

**ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА
ВЕТЕРАНА**

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Серия 17. Рожденная на Урале

*Кавалеру орденов Красного Знамени,
Отечественной войны, Славы,
Дружбы народов
Одному из организаторов
ветеранского движения в Челябинске
Анатолию Константиновичу
Окорокову
посвящается*

*Мы выжили в атаках потому,
Что смерть легла путь влево или вправо
Вела нас в бой в пороховом дыму
Советская Великая держава.*

В.М. Ляхно

СБЕРБАНК

Дорогие друзья!

Разрешите от имени Сбербанка приветствовать всех читателей серии книг «Бойцы вспоминают»! Вы держите в руках уникальный архив воспоминаний Ветеранов. Это наша с вами история, память и гордость.

К сожалению, время неумолимо идет вперед, Ветеранов становится с каждым годом все меньше и меньше, и наша задача состоит в том, чтобы успеть оказать им внимание, сохранить и увековечить, передав подрастающему поколению, память о героическом подвиге Народа-Победителя.

Мы искренне благодарны всем тем, кто принял участие в реализации данного проекта, это нелёгкий и кропотливый труд достойный самых высоких слов восхищения, уважения и поддержки!

С уважением, управляющий

Челябинским отделением

ОАО «Сбербанк России» А.О. Александров.

Челябинский областной совет ветеранов войны, труда,
Вооруженных Сил и правоохранительных органов

Л.А. Попов

Бойцы вспоминают

Серия 17. Рожденная на Урале

**НАВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЮ
ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ**

Челябинск 2013г

Данная серия книг подготовлена к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. при содействии Челябинского отделения ОАО «Сбербанк России»

Консультант:

Козлов Евгений Николаевич,
участник штурма Берлина,

почетный председатель городского комитета ветеранов войны, военной службы, боевых действий и правоохранительных органов.

Рецензенты:

Белозерцев Анатолий Константинович,
председатель Челябинской областной писательской организации, член Союза писателей России.

Терехов Алексей Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент.

Попов Л.А.

Бойцы вспоминают. Серия 17. Рожденная на Урале / Л.А. Попов – Челябинск, 2013.- 64с.

На обложке: рис. худ. Н.М. Кочергин
Текст дан в авторской редакции.

Подписано в печать 27.03.2013 г. Формат 30х42/16.
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 3,5. Тираж 120 экз.
Заказ № 161

Отпечатано в типографии «Сити Принт» (ПБОЮЛ Мякотин И.В.)
454080, г. Челябинск, ул. Энгельса, 61А. тел.: (351) 230-34-34; факс: (351) 230-25-26
ИНН 744 700 373 602

ПРЕДИСЛОВИЕ

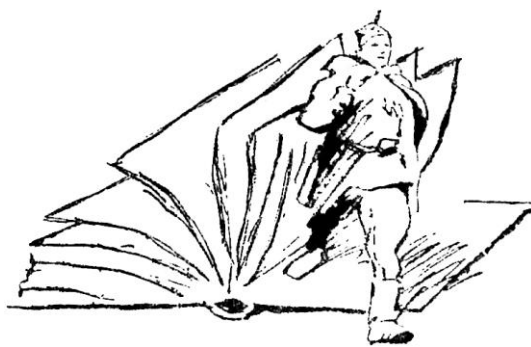
Один из пионерских лагерей, подведомственных Южно-уральской железной дороге, располагался в самом живописном уголке Южного Урала, в районе станции Вязовая, где стремительные речки, звонко журча, пробивались среди гор, покрытых девственными лесами. Горы с вершинами, увенчанными серо-голубыми скалами, издали походили на сказочные окаменевшие древние замки, манили к себе своей таинственностью и неизвестностью. Здесь был настоящий рай для пионеров. Летом 1941 года в этом пионерлагере работал пионервожатым Анатолий Константинович Окорок. Сюда и пришла к нему весть о начале Великой Отечественной войны.

В августе 1942 года после двенадцатидневного обучения в Чебаркульских военных лагерях он уже был в районе Вышнего Волочка, где его определили в 45-миллиметровую батарею отдельного истребительного противотанкового дивизиона 373-й стрелковой дивизии. Тот факт, что попал он в свою, сформированную в Челябинской области, дивизию, шефствовали над которой электрометаллургии Челябинского ферросплавного завода, придавало ему спокойствие и уверенность.

На фронте вступил в партию Коммунистов. Был награжден орденом Славы третьей степени. После ранения и окончания курсов политсостава 2-го Украинского фронта вернулся в свою дивизию офицером-политработником

При форсировании Одера А.К. Окорок получил тяжелое ранение и в апреле 1945 года инвалидом возвратился в Челябинск. Окончил институт. Работал на ЧТЗ. Участвовал в освоении целинных и залежных земель, возглавляя Уксянскую МТС.

Стал кандидатом технических наук и 37 лет занимался педагогическим трудом в должности доцента ЧПИ. Выйдя на пенсию, он много лет возглавлял комитет ветеранов войны Челябинского областного совета ветеранов. Вел переписку с однополчанами, 373-й Миргородской, Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии. Собирал воспоминания однополчан, на основе которых и написана эта книга. В нее вошли устные воспоминания А.К. Огорокова и письменные воспоминания, которые оставили бывшие солдаты, командиры и политработники прославленной 373-й стрелковой дивизии: Анисимов В.И., Аралов., Балашов Н.В., Балдин В.М., Басаргин В.А., Березовский И.Ф., Бондаренко Н.С., Бритов Я.М., Булдаков М.К., Бугаенко И., Бут (Юркина) В.А., Васев М.Ф., Воробьев В.Г., Винникова С.Ю., Галямов Б.Х., Герасимова А.П., Гриб Я.Т., Глазкова К.С., Гусаренко Я., Денисов Н.И., Денисов М.П., Евсюков Ф.Г., Жаров С.Г., Завало С.Т., Замолуев В.В., Запевалов Н.И., Игнатенко Д.А., Ильченко Н.А., Калач П.З., Кизнер Л.Г., Клетченков Н.И., Козлов В.И., Корнилов Д.И., Краснов И.Т., Крицберг Я.Л., Кузнецова Т.А., Курицын А.С., Лернер М.З., Лесков В., Мальцев В.А., Назаретский В.Е., Осыка., Павлычев М.П., Папуша П., Пархачев Е.Т., Передаренко В.Г., Размахов В., Севрук Ю., Сиднивец И.А., Смирнов Б.М., Смирнова Т.М., Столярова А.С., Фролов Н.А., Харченко Н.Г., Чекрыгин Я.П., Чернышев В.Я., Шастун И.Д., Шкробтиенко А.В., Шмаков Г.Г., Якушин С.С.

ТАЙНА ОЗЕРА РЫТОГО

На озере Рытое в Демидовском районе Смоленской области в середине 50-х годов в сети рыбаков попался странный предмет. Сеть рвалась от тяжести, а освободить её от неизвестного груза не удавалось. Время клонилось к вечеру. Солнце уходило за верхушки деревьев, и вскоре горизонт окрасился ярко багровым закатом. Подул прохладный ветерок. Посоветовавшись, рыбаки решили не оставлять сети на ночь и обследовать дно озера немедленно. Наиболее подготовленный из них разделся, прыгнул с лодки в воду, пробыл под водой более минуты и, вынырнув на поверхность, закричал: «Там самоходка Су-76 с полным боезапасом». Рыбаки из числа местных жителей вспомнили, что в 1943 году здесь шли сильные бои за высоты «Зеленая» и «Желтая», а самоходка эта наверняка отголосок того времени и является ценной реликвией прошедшей войны. Как положено они сообщили о находке в райвоенкомат, подогнали трактор и вытащили орудие войны на берег. Появился журналист из района и вскоре в газете «Правда» появилась его статья под названием «Тайна озера Рытого». Через несколько дней далеко, далеко от озера, в городе Саратове, эта газета попала в руки бывшего помощника начальника штаба полка 373 стрелковой дивизии, капитану в отставке, доктору наук, профессору Смирнову Борису Михайловичу. Прочитав заметку, он был необычайно удивлен и обрадован встрече со своим ратным прошлым. «Ведь это же та самая самоходка, которая спешила на помощь нашей 373-й стрелковой дивизии», - повторял он сам себе вслух. И перед глазами его, как наяву, всплыли подробности боев в районе озера Рытого, которые по сводкам информбюро именовались боями местного значения, и в которых погибла почти вся 373-я дивизия уральцев.

«19 марта после артподготовки,- вспоминал Б.М. Смирнов,- комполка подполковник М.Ф. Степанов подал нам команду начать атаку противника, закрепившегося на высоте «Зеленая».

Рота выскочила на гребень вала-берега озера и с криком ура бросилась на вражеские укрепления. Под огнем противника ее ряды быстро редели. Впереди и немного левее меня бежал наш командир роты. Вдруг пулеметная очередь сразила командира наповал. Среди наступающих возникло замешательство. Еще немного и могло произойти непоправимое. Я вырываюсь вперед и с призывом: «За мной!» увлекаю бойцов на врага. Теряя людей, рота форсировала речушку, преодолела проходы в проволочном заграждении и после короткой рукопашной схватки, сломив сопротивление фашистов, захватила траншею их первой линии обороны. Но, продолжая атаку, перед проволочным заграждением второй линии обороны рота попала под усилившийся огонь противника и была вынуждена залечь. Что делать? Огонь такой, что головы не поднять. По телефону связываюсь с командным пунктом, прошу поддержки артиллерией. Командир полка приказывает роте закрепиться на месте и ждать утра.

Вечером к высоте прибыл комбат Хазиморданов с замполитом и двумя оставшимися в батальоне ротами. Докладывая ему о подробностях боя и о потерях, я старался держать себя бодро и скрыть то, что творилось в моей душе после боя. Комбат, видя мое состояние, молча достает нож, отрезает большой кусок хлеба, кладет на него из консервной банки тушеное мясо, наливает в кружку сто граммов водки и подает мне. Я пью, закусываю и не ощущаю ни аппетита, ни вкуса.

С наступлением темноты бойцы начали резать проволоку немецких заграждений. Пытаюсь организовать сбор оружия погибших и раненых бойцов, но встречаю решительный отпор заместителя командира роты по строевой подготовке: «Люди гибнут, а ты оружие собирать, не до этого сейчас». Под утро подошла к нам рота автоматчиков во главе с лейтенантом Я.П. Чекрыгиновым и танк Т-60. Танк порвал гусеницами колючую проволоку и, проделав проход в заграждении, удалился. Замполит полка майор Попов, повернувшись ко мне, отдал приказ:

— Ну, Смирнов, теперь вперед!

Я двинул на немцев батальон, поддерживаемый станковым пулеметом сержанта Рузаева. Бойцы ворвались во вторую траншею,

завязалась рукопашная схватка. Враг, не выдержав нашего напора, бежал. Но слышу крик наблюдателя:

— Немцы!

Вижу, как через третью траншею по ходам сообщения бегут гуськом фашисты. Командую:

— К бою! Огонь!

Я, как и все командиры батальона, каску не носил. В ходе боя пуля по касательной ударила мне в голову. Потекла кровь. Ко мне подбежал санитар:

— Товарищ старший лейтенант, давайте перевяжу.

— Подожди не до этого,- отвечаю,- и продолжаю управлять боем.

Когда немцев отбили, я сел на бруствер и сказал санитару:

— Ну, теперь давай перевязывай.

После боя капитан Хазиморданов выслушал мой доклад и приказал:

— Иди в санчасть!

Только перешел я по льду озеро Рытое, как на него выкатилась наша самоходка. Рыхлый мартовский лед не выдержал её веса, и она ушла под воду. Хорошо, что люди успели выскочить. Самоходка спешила нам на помощь и очень была бы кстати, так как бой за высоту «Зеленая» разгорался с новой силой».

Бывший помощник начальника штаба полка Б.Х. Галямов рассказывал о том периоде боя: «Во время штурма высоты «Зеленая» начальник штаба полка три раза посылал меня в наступающие батальоны с приказами и для уточнения обстановки. Я видел, как рвались снаряды катюш, как батальон во главе с Б.М. Смирновым и рота автоматчиков Я.П. Чекрыгина ворвались в траншею противника и вступили в рукопашную схватку. Боевая обстановка была тяжелая. Везде лежали убитые, стонали раненые кто с оружием в руках, кто у подбитых орудий и пулеметов, а погибший старшина лежал с термосом за спиной, он нес обед в роту, но не донес. Фашисты бомбили наши позиции, накрывали их артогнем, бойцы же держались стойко».

Один из участников этого боя челябинец А.К. Огороков вспоминал: «19 марта 1943 года остатки 373 стрелковой дивизии, в том числе артиллерийский дивизион сосредоточился на переднем крае обороны. Немцы же предугадали наступление дивизии и утром 20 марта в момент до начала нашей артподготовки они нанес-

ли мощный артиллерийский и минометный упреждающий удар, от которого дивизия опять понесли потери. Оправившись от этого удара, мы прицепили к танку БТ-70 свое орудие и стали передвигать его на новую позицию. При этом я шел рядом и держался за станину. И вдруг прилетевший откуда-то осколок ударил мне в кисть руки. Но убойная сила осколка была ослаблена и он не пробил руку, а только рассек палец. Вначале я не придавал никакого значения такому пустяковому ранению, но через некоторое время рука распухла и доставила мне много неприятностей. Танк вывез наше орудие к немецким проволочным заграждениям и ушел несколько правее. Мы, установив орудие, начали вести огонь по вражеской траншее. Через некоторое время подошла пехота, и мы вместе с ней двинулись на штурм высоты. Ночью, накануне наступления в этом месте попала в засаду дивизионная разведка. В произошедшем бою все разведчики погибли. И теперь на нашем пути лежали их трупы, валялись каски и оружие. У нас артиллеристов каски отсутствовали. Я поднял с земли каску и надел себе на голову. Не успел опустить руки, как почувствовал удар по голове. Снял каску, смотрю, а на ней глубокая вмятина от пули. И еще раз повезло мне в этом бою, когда мы вели огонь. После выстрела из орудия я немного отклонился назад от прицела – и тут же ударила разрывная пуля в предохранительный щиток. Только мелкие осколки поранили мне руки. В ходе боя я заметил как из вражеской траншеи, метрах в пятидесяти, появился немецкий автоматчик и повел огонь по нашим пехотинцам. Я вскинул карабин, взял его на мушку и выстрелил. Когда мы захватили эту траншею, я увидел в ней убитого фашиста, посчитал, что наверняка это был мой.

В середине дня бой стих. Напряжение спало. Мы сменили позицию. А дня через два немцы опять захватили высоту, так как защищать ее практически было уже некому. Бои здесь длились дней восемь. И от нашей дивизии почти ничего не осталось. 28 марта 1943 года дивизию отвели в тыл и перебросили на станцию Бологое для пополнения и переформирования.

РОЖДЕНИЕ ДИВИЗИИ

После нападения фашистской Германии на СССР Советское Правительство приняло решение срочно начать переброску

промышленности из западных районов страны в глубокий тыл, на Урал и далее на восток. Стало шумно и многолюдно на железнодорожной станции Чебаркуль. Сюда, на строительство Чебаркульского металлургического завода № 701, стали один за другим прибывать эшелоны с оборудованием и людьми из городов Электросталь и Запорожье. Одновременно в Чебаркульском военном учебном лагере началось формирование 373 стрелковой дивизии во главе с комдивом, бывшим прапорщиком старой русской армии, участником Первой мировой и гражданской войн В.И. Хмылевым, начальником штаба М.П. Павлычевым, комиссаром дивизии Ветошниковым, начальником политотдела Беловым, помощником начальника политотдела по комсомолу политруком Виктором Коростелевым, работавшем ранее инструктором Челябинского ОК ВЛКСМ, и другими командирами и политработниками Красной Армии. Дивизия формировалась по сокращенному штату, в количестве шести тысяч человек. В ее составе предусматривались 1235, 1237 и 1239-й стрелковые полки, 931-й артиллерийский полк, 439-й саперный батальон, 453-й отдельный медсанбат и вспомогательные подразделения. Срок формирования устанавливался в три месяца. Личный состав прибывал в дивизию большими партиями из Челябинской области, а также из различных городов и сел Урала. Новобранцы были в основном призваны из запаса. Многие из них, как например магнитогорец Я.Т. Гриб, в мирное время проходили военные сборы в Чебаркульских лагерях, имели нагрудные знаки «Готов к труду и обороне» и «Ворошиловский стрелок», поэтому были хорошо подготовленными к предстоящей схватке с врагом. Но было много и молодых призывников. Средний и старший командный состав поступал в дивизию медленно, чувствовалась нехватка командиров среднего звена. Поэтому нередко командирами взводов назначались сержанты, прибывающие из госпиталей и имевшие, хотя и небольшой, но опыт управления боем в современных условиях войны. Несмотря на трудности, дивизия формировалась строго по намеченному плану. А вот с формированием конского состава обстоятельства складывались намного сложнее, так как транспорт, вся материальная часть, включая артиллерию, предусматривались на конной тяге. А лошади поступали в дивизию из башкирских табунов необъезженные, не знавшие уздечек и сбруи. Заведомо, до наступления холодов красноармейцы валили деревья и строили утепленные землян-

ки-казармы. Из-за крупных потерь на фронте оружия для учебных целей не хватало, на каждую учебную роту выделялось лишь 8 винтовок. Поэтому красноармейцы мастерили для занятий макеты винтовок, пулеметов и орудий из дерева.

В августе после окончания военно-политических курсов в распоряжение политотдела дивизии прибыла группа политработников в звании политруков и старших политруков: Г.Г. Шмаков, Н.И. Денисов, В. Субботин, М. Худяков, И. Соломенцев в аккуратно подогнанной военной форме с нашивками алых звездочек на рукавах. Все они стали духовной опорой для бойцов, создателями здоровых, уважительных отношений между красноармейцами и командирами в подразделениях, выполняли непростую высоко ответственную работу с людьми. Вот один из примеров: «Был у нас в роте, - вспоминал Г.Г. Шмаков,- солдат Петухов, который из-за религиозных убеждений категорически отказывался брать в руки винтовку. Бойцы окрестили его в шутку «Евангельским петухом». Командир роты лейтенант Хабибуллин порекомендовал мне взять над ним шефство. Я использовал все методы воспитательного воздействия на солдата и добился положительного результата только тогда, когда Петухов получил письмо из дома с известием о гибели на фронте его младшего брата и при этом сильно переживал. Мы использовали этот момент. Провели в роте митинг, на котором бойцы поклялись отомстить фашистам за смерть брата Петухова. После этого митинга Петухов словно переродился и никогда более не нарушал воинского устава».

Здесь же, под Чебаркулем, была сформирована редакция дивизионной газеты «На боевом посту» в количестве трех человек и выделена в распоряжение редакции крытая автомашина с походной типографией. Боевая подготовка дивизии проходила в напряженном режиме. На сон красноармейцам и командирам отводилось совсем немного времени. В начале ноября приехал в учебный лагерь, проверяющий боеготовность войск генерал армии И.В. Тюленев, он осмотрел подразделения, побеседовал с красноармейцами, провел совещание с командирами частей и на общем построении дивизии вручил дивизионное красное знамя части.

15 ноября 1941 года дивизия, обученная, но еще невооруженная, пятью эшелонами отбыла на запад, а 19 ноября выгрузилась на станции Грязевец Вологодской области, где развертывалась 39-я армия резерва ставки Главного командования. 15 декабря 1941

года дивизия по железной дороге прибыла в Торжок, откуда личный состав арtpолка отбыл в Бологое для получения артиллерийского вооружения. Стрелковые же полки походным маршем двинулись к линии фронта в направлении Ржева. В это время продолжалось начатое 5 декабря контрнаступление под Москвой войск Калининского фронта. На марше в дивизию стали поступать ящики со стрелковым вооружением и патронами, густо смазанные маслом. Оттаивать же масло и протирать оружие на установившихся крепких морозах было негде и нечем. Но уральцы, проявляя солдатскую находчивость, привели свое оружие в образцовое состояние.

21 декабря комдив В.И. Хмылев получил первый боевой приказ: «25 декабря перейти в наступление, овладеть населенным пунктом Чуриково и, двигаясь в направлении деревни «Высокая», прорвать немецкую линию обороны «Шуберта» на участке Мологино – Копыряне». Задача была не из легких, так как немцы успели там основательно закрепиться. А единственный артиллерийский полк дивизии из Бологое еще не прибыл. Кроме того, те части, которые должна была сменить дивизия, не дождавшись смены, покинули позиции. И уральцы впервые оказались лицом к лицу с противником.

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ

На передовой линии фронта полки дивизии заняли позиции уже в существующих траншеях, хоть как-то, но обустроенных солдатами, выведенными на отдых. Впереди белели снежные поля, деревья, запорошенные снегом, а вдали просматривались силуэты бревенчатых изб деревни Чуриково, которую предстояло взять. Ночью в отдельных избах деревни были замечены какие-то огоньки. На потемневшем небе светились звезды, они казались необычайно крупными, яркими, словно начищенные снегом. Над деревней периодически взлетали осветительные ракеты. Ночную тишину нарушали доносившиеся со стороны немецкой обороны одиночные выстрелы. Где-то там уже работали разведчики челябинской дивизии. Один из разведчиков, В.И. Анисимов, спустя много лет после войны вспоминал: «При формировании дивизии меня определили в пулеметную роту. По прибытии на фронт нам всем выдали оружие – винтовки и по две гранаты.

— А где же пулеметы? – спросил я комвзвода Василия Носова.

— Их надо отнять у немцев,- шутя, ответил Василий.

Поскольку пулеметов не было в наличии, нашу пулеметную роту расформировали. В. Носов возглавил взвод разведки, а я оказался в его взводе. Когда наша дивизия сблизилась с противником, мы получили приказ разведать передний край обороны врага, определить координаты, а по возможности уничтожить его огневые точки. Мы не только справились с этим заданием, но еще и забрались в расположение немецкой обороны, захватили у противника и унесли с собой один немецкий пулемет МГ-34, ракетницу, оцинкованный ящик с пулеметными патронами и два одеяла.

— Это первые боевые трофеи нашей дивизии,- с гордостью говорил тогда В. Носов и опять шутил,- натаскаем побольше пулеметов и возродим свою пулеметную роту.

В наступление поднялась 373-я дивизия в 4 часа утра, под покровом темноты, без артподготовки, одновременно с 361-й дивизией. Глубокий снег затруднял движение бойцов. Противник встретил их сильным огнем. Бой шел весь день, но успехов наступающие не имели, сказывалось отсутствие артиллерии. И по приказу командующего 39-й армией обе дивизии наступление прекратили. Дождались подхода артиллерийских полков, а потом при поддержке артиллерии 373-я дивизия вновь пошла в наступление на Чуриково. Но на этот раз не в лоб, а в обход справа, через лес. Сравнительно с небольшими потерями освободила Чуриково и еще несколько подмосковных деревень. Немцы бежали, бросая на заснеженных дорогах технику, новые исправные автомобили, тяжелую артиллерию и повозки с имуществом. Не давая врагу опомниться дивизия освободила населенный пункт Денежное и готовилась сходу захватить город Ржев. Но поступил приказ наступление прекратить и занять оборону.

5 января 1942 года началось общее наступление советских войск на запад.

РЖЕВСКО-ВЯЗЕМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Составной частью контрнаступления советских войск под Москвой зимой 1942 года была, хорошо разработанная в штабах,

Ржевско-Вяземская операция. Она предусматривала охватывающими ударами Калининского фронта из района Ржева на Сычевку-Вязьму и левого крыла Западного фронта из района Калуги на Юхнов-Вязьма, а также наступление остальных войск Западного фронта на Сычевку-Гжатск, окружить, расчленить и уничтожить основные силы группы армии «Центр» противника. Операция осуществлялась без оперативной паузы после контрнаступления, при относительном равенстве в пехоте, некотором превосходстве над немецко-фашистскими войсками в артиллерии и двойном превосходстве в танках. Началась операция утром 8 января 1942 года. В этот день полки 373-й дивизии 39-й армии, входившей в Калининский фронт, после усиленной артподготовки по льду перешли Волгу, захватили плацдарм, прорвали оборону противника и, развивая наступление, захватили железнодорожную станцию Мурававо. Через прорыв, расширяя его, стали входить другие соединения 39-й армии. Но на подступах к Ржеву противник встретил наступающих сильным огнем. Утром немецкая авиация стала бомбить боевые порядки дивизии. Из города вышли немецкие танки. Командир 1237-го полка подполковник Кузьмин с оставшимися в живых бойцами и командирами стоял насмерть, отбивая атаки противника ружейным и пулеметным огнем. Начальник артиллерии этого полка старший лейтенант П.В. Некрасов сам встал к орудию и повел огонь по танкам. Один танк с перебитой гусеницей развернулся градусов на 90 и остановился на поле.

Другой танк после выстрела Некрасова окутался черным дымом. Остальные танки стали пятиться назад, за ними побежала и вражеская пехота. Подразделения 373-й дивизии вновь поднялись в наступление. Не имея зенитного и авиационного прикрытия, испытывая недостаток в боеприпасах, дивизия, преодолевая сопротивление врага, всё ближе и ближе продвигалась к городу Ржеву. Очень трудно складывался бой за хлебозавод в окрестностях города, где при поддержке минометной батареи наступала седьмая рота челябинца М.А. Воронова. На ее пути оказался дот, огонь которого не смогла подавить батарея. Но нашелся смельчак, он попластунски приблизился к доту и, размахнувшись, бросил в его амбразуру гранату. Воспользовавшись тем, что вражеский пулемет замолчал, рота дружно поднялась в атаку. Казалось что еще немного, еще одно усилие и завод будет взят. Но налетели немецкие самолеты. На головы наступающих посыпались бомбы и пули, а

из-за построек появились вражеские танки. В этом бою рота потеряла половину своего состава, героически погиб и ее командир Михаил Александрович Воронов. Со стороны Ржева потянулись раненные. Кто-то шел сам, кого-то санитары везли на самодельных салазках. Но бои за город и завод не ослабевали.

Командующий 9-й немецкой армии генерал В. Модель, встревоженный складывающейся обстановкой на его участке фронта, отдал приказ, во чтобы-то ни стало, удержать Ржев, как один из основных опорных пунктов нового наступления на Москву, и бросил к Ржеву все свои резервы. Трое суток 373-я дивизия штурмовала Ржев. А 12 января 1942 года получила приказ передать полосу наступления подошедшим подразделениям 29-й армии и выступить к Сычёвке, туда же перебрасывался 11-й кавалерийский корпус. В ходе боёв под Ржевом были окружены 9 немецких дивизий. В ряде населенных пунктов оккупанты бросали оружие, исправную технику и бежали на левый берег Днепра. Город Сычёвка, как и Ржев, имел сильную круговую оборону, на его подступах, а также перед железнодорожной линией находились минные поля. Высокие, обрывистые берега рек Лысьмина, Яблоня и Вазуза враг так же приспособил для обороны. 13 января 373-я дивизия повела наступление на район Сычёвки по открытой местности, преодолевая сугробы, без артиллерийской подготовке, так как снаряды и мины были израсходованы в боях под Ржевом. Немецкие самолёты безнаказанно пикировали на наступающие цепи бойцов, бомбили и расстреливали их из пулемётов. И все-таки, сокрушив сопротивление врага, дивизия овладела рядом населённых пунктов, оседлала железную и шоссейную дороги Ржев – Вязьма и к концу дня вышла к окраине города. Быстро темнело. Наступила ночь. Уставшие бойцы засыпали на снегу. Фашисты освещали ракетами разных расцветок поле боя, где, зарывшись в снег, спали бойцы, и обстреливали его из артиллерии и пулемётов. Командование дивизии решило за ночь привести войска в порядок, подтянуть тылы с боеприпасами, а утром продолжить наступление. Но неожиданно позвонил командующий 39-й армии генерал-полковник Масленников, приказал немедленно перейти в наступление и к утру взять Сычёвку. Бойцы вновь поднялись в атаку. Они не бежали, а шли, тяжело преодолевая сугробы. От усталости падали в снег и ползли, проделывая в снегу борозды, пытаясь незамеченными приблизиться к дотам врага и забросать их гранатами. В результате ноч-

ного боя дивизия не только не продвинулась вперёд, а была вынуждена отойти еще метров на 500 от города. Утром выяснилось, что дивизионные тылы настолько отстали, что на передовую не смогли подвезти ни снаряды, ни питание для бойцов. Бойцы вновь пошли в атаку уставшими, да ещё и голодными. Враг встретил их сильным пулемётным и миномётным огнём, а из города вышли немецкие танки. Отразить же их было не чем. Отстреливаясь, дивизия начала отходить от города. О тех мгновениях боя вспоминал бывший начальник штаба 373-й дивизии М.П. Павлычев: «Сiju в домике одной из деревушек, что вблизи от Сычёвки и отчётливо вижу всё это в окно. Вызываю срочно по телефону генерала Масленникова, докладываю командующему, что танки приближаются к наблюдательному пункту, кроме меня, ординарца и телефонистки Тани здесь уже никого нет.

— Скажи Хмылёву, чтобы немедленно восстановил положение, - ответил командующий.

Перехожу на КП комдива, а там уже находится комиссар Ветошников и весь мой штаб. Вражескую атаку удалось отбить. К исходу дня дивизия вновь подошла к Сычёвке, но взять её опять не хватило сил. Так с переменным успехом бои продолжались и дальше».

О накале боев можно судить по рассказу бывшего сержанта 1235-го полка Е.Т. Пархачёва: «Глубокой ночью в атаку мы не пошли, а поползли, стараясь незамеченными как можно ближе подобраться к окопам противника. Вдруг по заснеженной поляне полоснул луч прожектора, замерцали над головами трассирующие пули и немцы открыли такой огонь, что казалось небо, рушится на нас. Кто-то поднялся с земли, призывно взмахнул пистолетом и побежал вперёд. В отсветах разрывов я увидел лейтенанта Полякова, он пробежал шагов 20 и упал. Во вражеских окопах уже завязалась рукопашная схватка. Рядом со мной упал солдат Гриша, плечи и голова его дрожали, на лице появились белые пятна, при каждом выдохе он стонал, рукав его гимнастёрки набух от крови.

— Давай перевяжу! – крикнул я, - перевяжу и лежи здесь, санитары тебя подберут. Слева от нас во весь рост опять поднялся комвзвода лейтенант Поляков. Будучи раненым, стреляя одной рукой, он побежал вперёд с призывом: «За Родину, за Сталина, вперёд!». Автоматная очередь сразила его на бруствере вражеского окопа.

— Командира убили! – невольно вырвалось у меня. С криком: «Бей фашистов!» - я бросился вперёд. Лавина бойцов ринулась к окопам, где еще были фашисты, смяли их, обратили в бегство и бросились за ними вдогонку. Но их миномётчики своим огнём отрезали нас от убегающих оккупантов. Нам ничего не оставалось, как возвратиться в оставленные немцами окопы, чтобы укрыться в них от мин. Я же замешкался. Вблизи разорвалась мина, и я, теряя сознание, почувствовал, что будто бы засыпаю каким-то блаженным сном. Очнулся на руках бойцов, которые несли меня в медсанбат. Мои ноги безжизненно висели, а по спине ручейком текла кровь. Когда пришел в себя долго вспоминал, кто я, где и почему здесь нахожусь. Потом шестнадцать с половиной месяцев полупарализованным лежал в госпиталях. Врачи, медсёстры, няни, а также шестилетняя девочка Ада из Сычёвки спасли мне жизнь».

Вспоминая о боях под Москвой, челябинец бывший помощник начальника штаба 1235 полка В.М. Балдин рассказывал: «На фронте всякое бывало, однажды, отступая, мы наткнулись на немецкий танк, который шел по дороге и пулеметными очередями прочесывал снежное поле, где мы залегли, закопавшись в снег. Ни каких противотанковых средств у нас не было. И вдруг мы увидели нашего солдата с противотанковым ружьем, идущего левее и немного позади танка. Солдат шагал по снегу в вразвалочку, с дымящей самокруткой в зубах, рискуя быть прошитым пулеметной очередью. Он дошел до небольшого бугорка. Залег. Поправил шапку. Затушил о ложе ружья недокуренную самокрутку и положил ее себе за ухо. Поплевал на ладони, прицелился и выстрелил по танку. Танк вздрогнул, остановился, задымил и окутался дымом. Солдат бронебойщик сел на снег, достал из-за уха самокрутку, выбил с помощью кресало огонек, закурил и спокойно наблюдал, как горел танк. Экипаж подбитого танка пытался бежать, но далеко не ушел. Потом мы узнали, что у солдата бронебойщика было всего два патрона».

О службе дивизионных медиков того периода рассказывала бывшая медсестра В.А. Юркина: «Однажды в шоктовую палату после операции принесли бойца. Неутомимая Нина Беляева и я делали всё возможное, чтобы сохранить ему жизнь, а он на наших глазах с каждой минутой таял. Мы с тревогой следили за его слабеющим дыханием и решили перелить ему кровь. Крови же, как назло, не было.

— Нина бери кровь у меня. Если я счастливая, то он выживет, - говорю подруге.

Сделали переливание крови. Но, как нам показалось, наши усилия были напрасны. Накрыли бойца простынею, и пошли докладывать врачу Н. Попкову. Опечаленные, возвращаемся в палату. И вдруг на наших глазах этот боец приподнимется на кровати и говорит:

— Сестрёнка, дай попить воды. Ты, Варя, счастливая. Видишь, жив я.

От неожиданности мы растерялись, не веря в реальность происходящего. Оказывается, он слышал наш разговор. Когда его немного окрепшего эвакуировали в госпиталь, мы с Ниной от души радовались за спасённого бойца».

А сержант Т.А. Кузнецова рассказала забавный эпизод: «Как-то в январе в только что отбитой у немцев деревушки мы истопили баню. Вначале помылись мужчины, потом дошла очередь и до нас женщин. Когда я мылась, то мне постоянно казалось, что кто-то на меня смотрит из-под полок. У входа в баню стоял на посту красноармеец, я сказала ему об этом. Он вошел в баню, ткнул штыком под полки, а оттуда как закричит немец на своем языке. Оказывается, во время наступления он спрятался в бане, надеясь, по-видимому, просидеть какое-то время там, но вот не получилось у него».

15 января по приказу Ставки 11-й кавкорпус был снят из-под Сычёвки и стремительно двинулся к Вязьме, по пути уничтожая вражеские гарнизоны и тыловые объекты оккупантов. Но, встретив упорное сопротивление под Вязьмой, овладеть этим городом не смог. И тогда по приказу командования кавалеристы стали рейдировать в районе Вязьмы, уничтожали сельские гарнизоны врага, громили его тыловые коммуникации, нарушали снабжение немецких войск. 24 января 373-я дивизия была выведена из-под Сычёвки на отдых. В этот же день началась высадка 4-го воздушно-десантного корпуса в тыл врага с целью усиления удара на Вязьму.

К началу февраля 1942 года коммуникации, связывающие Вязьму с Ржевом, и вяземский узел немецкой обороны оказался в центре внимания как советского, так и немецкого командования. Овладение Вязьмой и ликвидация в её районе войск должны были привести к окружению и разгрому группы армии «Центр». Для Германского командования это означало бы катастрофу. Поэтому

вермахт для подкрепления группы армий «Центр» срочно перебрасывает свежие дивизии из Франции и других участков Советско-Германского фронта. 5 февраля, воспользовавшись большой протяженностью Калининского фронта, 9-я армия противника перешла в контрнаступление от Ржева и Оленино, к 17 февраля окружила части 29 армии, перекрыв узкий проход у деревень Кокошкино и Ножкино, через который 373-я дивизия и 11-й кавкорпус вошли в тыл оккупантов. После чего и 39-я армия оказалась в окружении, теперь её снабжение осуществлялось по воздуху. Но самолётов не хватало даже для эвакуации раненых, а сброшенные с самолётов грузы не всегда удавалось найти в лесистой, покрытой глубоким снегом местности. Кавалеристы употребляли в пищу мясо павших лошадей, пехотинцам приходилось ещё труднее. На помощь пришло местное население, оно отдавало армии свой скот, зерно и другие продукты питания. Был найден узкий проход к Калининскому фронту по заболоченному участку между городом Белый и селом Нелидово. Женщины и подростки каждый день ходили по нему, делая 70 километров туда и 70 обратно. Везли оттуда на салазках, несли на руках снаряды, мины, ящики с патронами. Многие из них гибли в пути от вражеских авиабомб и артобстрелов. Но продолжали помогать Красной Армии добровольно без какого-либо нажима.

Вскоре 39 армия получила приказ деблокировать 29-ю армию. В этой операции участвовала отдохнувшая 373 стрелковая дивизия. Здесь уральцам пришлось одновременно держать оборону и наступать. В этих боях они освободили ещё несколько деревень. А 21 февраля получили приказ командарма перейти к обороне и закрепиться на занимаемых рубежах. 28 февраля первые подразделения 29 армии, численностью 5200 человек, прорвались в расположение 373-й дивизии и через проход между Нелидова - Белый вышли к основным силам Калининского фронта. Но другая группа войск 29-й армии погибла в неравном бою, прорываясь из окружения.

В марте 373-я стрелковая дивизия сосредоточилась западнее Сычёвки и начала третьё по счёту наступление на этот город. Полоса наступления представляла собой ровное поле. Здесь, до начала войны, советскими строителями были построены уникальные доты, напоминающие собой гигантские опрокинутые вверх дном тарелки, с бойницами с боков для стрельбы из пушек и пулемётов.

Такие доты были удобны и мало уязвимые с земли, так как они сливались с местностью, с расстояния 200 метров их трудно было разглядеть. Снаряды и пули отлетали от дотов рикошетом. Эти доты заняли немцы, и теперь бойцам дивизии пришлось отбивать их у врага. М.П. Павлычев об этом бое вспоминал: «Ведя тяжелые, кровопролитные бои, части дивизии к исходу дня захватили несколько дотов и, используя их, способствовали продвижению своей пехоты. Но из-за сходства дотов было трудно определить в каком из них наши, а в каком немцы. Огневые трассы перекрещивали поле боя буквально со всех сторон. Доты Немцов мы отличали лишь по более мощному огню, уймой ракет и огненным струям трассирующих пуль, которые ужасно действовали на психику. В тот миг казалось, что мы находимся в сплошном огне. Бойцы и командиры сражались самоотверженно, но Сычёвку не удалось взять и при этом штурме».

Немецкие самолёты волнами, эскадрилья за эскадрильей, безнаказанно бомбили боевые порядки дивизии, заставили отойти их километра на два и занять оборону. Здесь, под Сычёвкой, получил контузию командир 1235-го полка майор М.С. Ерошкин, погиб заместитель начальника оперативного отдела капитан Поляков, получил ранение и начальник штаба дивизии М.П. Павлычев.

В конце марта 373-я дивизия вела бои по расширению прохода между городом Белый и поселком Нелидово. В этот период в дивизию прибыл новый начальник политотдела полковой комиссар Григорий Иванович Обыденный, прошедший затем с дивизией до Победы.

Наступила весна. Кое-где зазеленела трава. Дороги же стали трудно проходимыми. В связи начавшейся весенней распутицы и ослаблением наступательных возможностей Ставка 20 апреля 1942 года приняла решение о переходе Калининского и Западного фронтов к обороне на занимаемых рубежах, частям, которые вели бои за линией фронта, было приказано выходить на соединение с главными силами.

Много лет спустя, на встрече ветеранов дивизии бывший помощник начальника штаба 1235 полка В.М. Балдин, вспоминая сражения под Ржевом, рассказал об одном из необычных эпизодов: «В 1945 году, уже после победы, ко мне подошел незнакомый подполковник и поблагодарил меня за то, что я спас его от смерти. Мне ничего не оставалось, как ответить ему шуткой, что его нет в

списке мною спасенных и, вообще, я его первый раз вижу. Тогда он напомнил мне подробности боя 27 апреля 1942 года юго-западнее Ржева. Мы тогда сделали попытку прорваться из «мешка», но неудачно. Понесли большие потери. Фашисты стремились окружить командный пункт полка. Обстановка складывалась безвыходной. Нас оставалось все меньше и меньше. Фашисты подобрались так близко, что слышны были их лающие голоса и звуки губной гармошки. Потом во время паузы между разрывами мин и автоматных очередей звуки гармошки вдруг прекратились. Ни к кому, не обращаясь, я просто так: крикнул: «Все, пикала, плакала «ихняя галмошка»! Вот это и было то мгновение для моего собеседника, которое спасло ему жизнь. Оказывается, он находился слева от меня в стрелковой ячейке и, потеряв власть над собой, приставил пистолет к виску. Но слово, одно только слово, сказанное детским языком, «галмошка» мгновенно вывело его из состояния депрессии».

Несмотря на незавершённость Ржевско-Вяземская операция имела большое значение. В ходе её советские войска сковали значительные силы противника, затруднив их переброску на южное крыло Советско-Германского фронта. И отбросили противника ещё до 250 километров от Москвы, глубоко охватив с двух сторон группу войск противника «Центр». Не менее чувствителен врагу был нанесен моральный урон. «В ходе зимней кампании гитлеровские военные трибуналы осудили 62 тысячи своих солдат и офицеров за дезертирство, самовольный отход, неповиновение и т.д. 35 высших чинов, том числе 4 фельдмаршала были отстранены от занимаемой должности. Потери группы армии «Центр» с 1 января по 30 марта 1942 года только в живой силе составили более 330 тысяч человек». Характер войны принимал иной вид.

В ОКРУЖЕНИИ

5 мая 1942 года 373-я дивизия занимала оборону в районе сел Еремино и Макеево на западном берегу Днепра, контролируя рубеж протяженностью около 20 километров. В начале июля 39 армия, в которую входила дивизия, получила приказ выходить из тыла противника на соединение с основными силами Калининского фронта по коридору, пока еще удерживаемому, между горо-

дом Белый и райцентром Нелидово. Противник чтобы перекрыть этот коридор подтянул свежие резервы с большим количеством танков. Здесь соединения 39 армии, оборонявшие 70-километровый проход, не смогли сдержать натиск врага и немецкие клещи сомкнулись. Коридор простреливался немцами с обеих сторон. В ожесточенных боях бойцы подошедшего одиннадцатого кавалерийского корпуса совместно с спецчастями прорвали заслон, и вышли в расположение главных сил фронта. 373-я дивизия продолжала в это время 60-километровый марш, ведя арьергардные бои, ничего не зная о случившемся.

5 июля комдив полковник В.И. Хмылев собрал на совещание комсостав, сообщил о сложившейся обстановке и отдал приказ начать отход к месту сосредоточения в район Нелидово. 8 июля дивизия подошла к указанному месту сбора. Вечером поступил приказ от командарма И.И. Масленникова: «Всем соединениям прорываться через заслоны врага самостоятельно».

Вспоминая ту тревожную, бессонную ночь с 8 на 9 июля начальник шифровального отдела дивизии Аралов рассказывал: «В штабе дивизии всю ночь я и комиссар штаба Николаенко жгли документы. Тоже делали и в полках. Все лишнее было приказано уничтожить. Все знали, что бой будет жестокий. Перед форсированием прохода оставшиеся исправными орудия были распределены равномерно по всей колонне на случай отражения танковых атак. Рано утром в предрассветном тумане колонна двинулась на штурм прохода. Впереди шли полки 1235 и 1239. Колонна продвигалась по бездорожью сквозь болота и редкий кустарник, так как все дороги противником были заминированы. Немцы непрерывно обстреливали колонну артиллерийским и минометным огнем. И чем ближе дивизия подходила к переднему краю заслона, тем плотнее становился огонь врага. При первом же столкновении с противником дивизия пошла в атаку на пролом. Завязались рукопашные схватки. С обеих сторон дивизию атаквали и пехота и танки. От огня наших батарей вражеские танки вспыхивали на поле боя и горели кострами, но танков было слишком много. Бой разгорелся на протяжении всей колонны. Солдаты и командиры мужественно отбивались от наседавшего противника, неся большие потери, стараясь прорваться между танками заслона, группами и по одиночке переходили линию фронта к своим. В этих боях погибли: комдив В.И. Хмылев, начальник штаба Шмаков, командир

полка Певзнер. Секретарь партбюро 1235 – го полка военврач Евдокимов увлек за собой бойцов на штурм оккупантов и прорвал заслон. В результате большая часть его бойцов вышли к своим. Евдокимов же погиб смертью героя.

Отдельные подразделения дивизии выходили из окружения более успешно. О чем рассказывал политрук Г.Г. Шмаков: «В момент окружения наша дивизия стояла южнее города Белого. Весть о том, что мы окружены была воспринята в частях спокойно. Не было никаких признаков паники 5 июля части и службы стали планомерно отходить, стараясь двигаться лесом. Вражеская авиация наносила массированные удары с воздуха, поэтому по открытой местности мы стали продвигаться только ночью. Недалеко от деревни Ермошкино, на опушке леса мы вырыли яму и закопали в ней свою походную типографию. Из-за непрерывных бомбежек части дивизии двигались к месту прорыва рассредоточено, небольшими группами. В нашей группе насчитывалось человек 50, в том числе 5 женщин из медсанбата. Скромные запасы продуктов питания в наших вещмешках быстро кончились. И мы перешли на подножный корм, питались дарами леса. Все были истощены от голода. А сверху сыпались на нас вражеские листовки с призывом сдаваться в плен. Но среди нас малодушных не оказалось.

В полдень 20 июля мы подошли к месту сосредоточения. Здесь состоялось совещание комсостава. Сформированы ударные роты. Определены их исходные позиции. Объявлено о назначении командиров и политруков. Меня назначили политруком первой ударной роты, а командиром роты – старшего лейтенанта Никитина, на его груди блеснул новенький орден Красного Знамени, и это нас всех подчиненных воодушевляло. Под вечер мы собрали всю роту. Объяснили обстановку. На мою долю выпало сказать вдохновляющие слова, призывающие проявить мужество и героизм. Операция по прорыву вражеской обороны была выполнена нами классически блистательно. Мы подошли к позиции противника так тихо, что немцы, ничего не подозревая, продолжали сонно благодушествовать. И вдруг, как только забрезжил рассвет, наша рота с соседями слева, разрывая тишину призывом: «За Родину, за Сталина, ура!» бросилась лавиной на врага. Немцы были настолько ошеломлены, что не знали в какую сторону стрелять. Пока они сориентировались, большая часть нашей группы уже перешла линию фронта».

Бывший младший лейтенант И.И. Запевалов оставил письменные воспоминания о своем выходе из окружения: «В те тяжелые для дивизии дни начальник политотдела послал меня в один из полков с пакетом,- писал он,- полк я не нашел, вернулся обратно, а политотдела на месте тоже нет. Все кругом перемешалось. Всюду стреляют. Где наши войска, где политотдел, неизвестно. Иду и иду, интуитивно определяя маршрут. Несколько раз попадал под обстрел «кукушек». Кто-то кричал мне из кустов: «не подходи, стрелять буду!». Неожиданно встретил старшину, рассказал ему о своем положении. «Я накормил бы тебя,- тяжело вздохнув, сказал старшина, - в телеге есть печенье и папиросы, но подход к ней держит под прицелом вражеский снайпер. Вывезти же телегу из-под обстрела нельзя, она без колес». На опушке леса появилась группа солдат в наших советских шинелях. Увидев нас, они с радостью бросились к нам. Подошли еще бойцы, некоторые без оружия. Когда стемнело, снайпер прекратил стрельбу. С трудом едим печенье, выданное старшиной, оно без воды в горло не лезет. Вода же в болотцах красная и вонючая. Подкрепившись, группой в семь человек идем дальше. Видим в овраге огонек. Подошли. Там тракторный плуг, под ним костер, несколько красноармейцев месят тесто и пекут лепешки. Нас собралось уже человек пятнадцать. Все молчат, никто не знает, что делать дальше и куда идти. Совсем рассвело, когда к нам подошел человек ниже среднего роста в порыжевшей каштановой тужурке, с ним еще несколько человек.

— Я председатель Оленинского райсовета, - представился подошедший, - тяжелое мы переживаем время, товарищи. Вам трудно, а народу еще горше. Фашисты отбирают у населения все подчистую. Молодежь ловят и вывозят на тяжелые работы в Германию,- с горечью поведал он.

Время шло. Люди у костра менялись. Я поделился с людьми имевшимся у меня табачком и говорю:

— Товарищи, ночь прошла, туман рассеялся. Давайте потушим костер и пойдем. Как бы немцы сюда не нагрянули.

Один толстый парень враждебно посмотрел на меня и хилым, ехидным голосом произнес:

— Ваша песенка спета, товарищ командир, мы без вас решим, что нам делать. Вы теперь в наших руках. Не успел я ему ответить, как несколько человек стали заливать костер водой из рядом

журчащего родника. Человек с гранатой подошел к толстяку и забрал у него винтовку. Надев фуражку, я стал подниматься из оврага. За мной последовало человек десять. Я хотел поговорить с людьми, но послышался шум, и мы залегли в бурьяне. К плугу со вновь разведенным огнем подъехали две автомашины с немцами. Трое наших бойцов побежали от костра, но были прошиты автоматными очередями. Толстяк поднял руки со своим вещмешком. Его ударили, и он бросил свой «сидор». Мы видели это, но бездействовали. У нас еще не было командира и достаточного запаса патронов для боя. Фашисты уехали. Мы хотели похоронить убитых, но подошедшие сельские женщины посоветовали:

— Уходите скорее, солдатики, ночью мы сделаем все сами.

К вечеру с трудом преодолев открытую местность. Мы вошли в лес и увидели строй наших бойцов, численностью человек 400. Перед строем ходил старший лейтенант и что-то объяснял бойцам. Когда он повернул голову в нашу сторону, я вскинул руку к виску и попросил разрешение встать в строй.

Становитесь,- ответил командир.

С этого момента мы выходили из окружения организованно, в составе подразделения. 17 июля меня послали с группой 27 человек для выполнения задания на лесном аэродроме. Мы пришли к указанному месту и уселись на опушке леса. Перед нами был большой, широкий овраг, а за ним проходила дорога. Видим, по дороге едет повар на сивой лошадке. Из котла походной кухни пар столбом поднимется. Только повар стал съезжать с дороги и спускаться в овраг, как на дорогу с треском вылетели семь немецких мотоциклистов. Кто-то из наших открыл по ним огонь. Один из мотоциклистов, словно нырнул вниз головой в кювет и задрогал ногами. Другой перелетел через него и кубарем перевернулся два раза. Остальные мотоциклы исчезли. Утром незнакомый мне капитан 39-й армии послал меня на КП группы взять там тяжелораненого батальонного комиссара и отправить его в надежное место, а всех моих людей поднял и повел на переправу через реку Обшу. На КП комиссара не оказалось, мне посоветовали поискать его в медсанбате, но и там его не было. В итоге после больших мытарств медики и я вместе с ними все же вышли к своим».

Бывший военком 931 артиллерийского полка М.З. Лернер тоже оставил воспоминания о своем участии в прорыве: «В середине июля 1942 года меня и командира полка Певзнера вызвали в

штаб дивизии, где комдив Хмылев и комиссар Ветошников нам сообщили, что части дивизии, отрезаны от войск фронта и нам предстоит действовать по обстановке. Мы приняли решение организовано всем полком выходить из окружения самостоятельно. Орудия привели в негодность, снятые с них замки частично закопали в землю, частично бросили в реку. Сохранялось лишь личное оружие у солдат и командиров. Полк двинулся лесом, с осторожностью преодолевая открытые места. Все встречавшиеся немецкие коммуникации уничтожались. Приблизительно 17-18 июля мы заметили движение отдельных групп наших подразделений, а 19 июля подошли к большому скоплению наших войск. Доложили заместителю командарма генералу Богданову, только что заменившего раненого командарма И.И. Масленникова, о своем прибытии, получили команду 22 июля на рассвете начать прорыв. Создали отдельные группы прорыва, распределили по группам медперсонал. Распределили боеприпасы.

Ровно в 4 часа 30 минут по сигналу ракеты вся огромная масса солдат и командиров с криком ура вырвалась из густого сосняка и бросилась на очумевших от ужаса и внезапности немцев. Опомившись, они открыли огонь из всех видов стрелкового оружия. Но остановить наше наступление уже никакая сила не могла. И вскоре мы соединились с войсками Калининского фронта. Слева от нашей атакующей группы я видел, как четко действовал генерал Богданов, руководивший выходом войск из окружения. К сожалению, он и наш комполка Певзнер в этом бою погибли».

Где-то поблизости от группы М.З. Лернера прорывалась 446-я отдельная рота парторга С.Г. Жарова. «На третий день похода, - рассказывал парторг, - мы присоединились к большой группе войск, в которой находился штаб 39 армии. За несколько дней прорыва обороны противника на лесную поляну приземлился санитарный самолет, на нем эвакуировали в тыл раненого командарма генерал-лейтенанта Масленникова. Командование армией принял генерал-лейтенант Богданов. Для нанесения удара был сформирован полк прорыва под командованием подполковника Ширяева. Наша рота вошла в 1-й батальон этого полка. 21 июля во всех ротах полка с большим подъемом прошли партийные собрания. Еще до наступления темноты разведкой было установлено место, где враг нас не ожидал. 22 июля полк занял исходные позиции. Презирая смерть, с криком ура мы ворвались в траншею противника.

Завязалась рукопашная схватка. В траншее передо мной боец двухметрового роста орудовал прикладом автомата, как дубиной. Враг не выдержал, бежал. Быстрым броском наша рота достигла линии обороны. Вскоре мы встретили группу бойцов с раненым командиром полка, через его повязку просачивалась кровь. Перед рассветом 22 июля мы дошли до деревни Адамова Гора, здесь ожидали санитарные машины для раненых...». Через несколько дней из вышедших из окружения бойцов и командиров 373 дивизии была сформирована колонна под командованием капитана Ю.В. Яновского. Колонна совершила марш через станцию Нелидово в Селижарово, где встретила со своим новым командиром дивизии полковником К.И. Сазоновым.

Другой группе прорыва 931 артиллерийского полка не повезло. О чем рассказывал бывший помощник начальника штаба полка лейтенант Н.А. Ильченко: «При выходе из окружения из-за отсутствия снарядов орудия пришлось уничтожить. Когда попытка прорыва у деревни Егорье для многих окончилась неудачей, было решено разбиться на группы и пробиваться в район города Торопец. Шли лесом и болотами при полном отсутствии продуктов. Все время нарывались на вражеские заслоны, попадали под обстрел. Ослабли до предела, для того, чтобы просто встать с земли требовались невероятные усилия. Два месяца мы пытались выйти из окружения. Наша группа за это время значительно сократилась. Стало холодать. Кольцо окружения сжималось. Не раз немцы через громкоговорители зазывали нас сдаться в плен, обещали «золотые горы», приглашали к столам с пищей, установленным ими возле дорог. Были и такие, которые поддавались на их приманки. Мы же твердо шагали вперед, к своим. Близ деревни Беликово немцам удалось окружить нашу группу. Мы спрятались под завалами. Послышался лай собак. «Ну, все отвоевался», - мелькнула у меня мысль. Лихорадочно, ломая ногти, рою ямку и зарываю в ней свой партийный билет, удостоверение личности, письмо из дома. Все еще надеюсь на чудо.

Рычит собака, больно кусает ногу. Звучит команда и возле моих ног землю протрачивает автоматная очередь. Не хотя вылезаю, понимая, что это конец.

— Шнель! Шнель! - визгливо кричит ехидно улыбающийся немец и бьет меня по спине прикладом. В стороне под конвоем,

стоит группа заросших, худых, в оборванном солдатском обмундировании людей.

— Комиссары и евреи, выходи! — кричат фашисты.

Пленные угрюмо молчат. Из строя никто не вышел. И тогда немцы заставили пленных снять нижнюю часть белья и подвергли всех унизительному осмотру. Несколько человек вывели из строя и при всех расстреляли. Оставшихся пленных повели в сторону Оленино. Так я попал в плен. Через ад и муки пришлось мне пройти, пережить страшные лагеря военнопленных в Вязьме, в Борисове, где о холода, голода и болезней люди умирали сотнями. В марте 1943 года нас привезли в Австрию и заставили работать на каменоломнях близ Инсбрука. Здесь за малейшую провинность, за невозможность поднять с земли тяжелый камень предусматривалось только одно наказание расстрел. Свобода к нам вернулась лишь в мае 1945 года. Но не всем удалось дожить до этого радостного дня».

Бывшая медсестра, партгрупорг, вступившая в партию в период тяжелых боев в марте 1942 года, оставила письменные воспоминания о подробностях выхода из окружения. «Получаем приказ,- писала она, - отойти в село Матюки. Увязали имущество. Я ухожу последней. Немецкий самолет пикирует прямо на мои сани. Соскакиваю с них и бегу через овраг. Не заметив колодца, проваливаюсь в него. Летчик очевидно, потеряв меня из виду, убил лошадь, прострелил ящик с медикаментами и улетел. Сажу в колодце. Хорошо, что воды в нем нет. Санитар нашел меня и вытащил с помощью веревки.

В начале июля получен приказ срочно сворачивать санроту, взять с собой только самое необходимое. Слышу, как комиссар полка говорит начальнику санчасти: «Если выйдем из этого котла, то еще проживем». Под большим секретом поделилась услышанным со своей подругой Анной Худинцовой. Я, Аня и фармацевт Ната шли лесом. Вдруг за спиной раздалось рычание немецкого танка, а впереди рвутся мины и снаряды. Бросились от танка в разные стороны. Мы с Аней провалились в окоп. Когда все стихло, стали искать Нату, но нигде не нашли. Что с ней случилось, не знаю до сего времени. В лесу встретили своих солдат, командира и комиссара полка. Продолжилось совместное хождение по мукам. Голод. Бессонница. Совсем неожиданно разорвалась мина, и меня контузило. Глохну, а из носа кровь идет. Кругом немцы. Обста-

новка тревожная. Ваня Ефремов, оказав мне помощь, ушел вперед искать проход, а затем возвратился и вывел меня к своим. Ночью наша группа около 350 человек прорвалась через вражеское кольцо. Среди нас имеются раненые, но нести их, у медсестер нет сил. Помогают бойцы и командиры».

Основные силы 39 и 29 армий прорвались из окружения к 22 июля. Но еще долго из лесов выходили на соединение к своим, группами и по одиночке, красноармейцы. Многие воины, не сумевшие преодолеть кольцо окружения ушли в партизанские отряды «Народный мститель», «За родину», «Имени Ворошилова», в их составе сражались 11 красноармейцев из 373 дивизии во главе с комиссаром штаба дивизии Николаенко. Они сражались в тылу врага до марта 1943 года, то есть до начала бегства оккупантов на запад. Так закончился первый этап боевой истории 373 стрелковой дивизии уральцев.

Во время боев при выходе из окружения дивизия понесла большие потери, но дивизионное знамя части сумела сохранить, поэтому по решению ставки она была определена в резерв фронта и подлежала доформированию в лесных лагерях близ города Вышний Волочек.

«В августе 1942 года,- вспоминал ветеран дивизии А.К. Окороков,- мы после двенадцатидневного обучения в Чебаркульском военном лагере прибыли в район Вышнего Волочка, где меня определили в 45-миллиметровую батарею отдельного истребительного противотанкового дивизиона 373 стрелковой дивизии. Тот факт, что я попал в свою, сформированную в Челябинской области дивизию, придавал мне спокойствие и уверенность. Дивизион состоял из трех батарей 45-миллиметровых пушек и роты противотанковых ружей (ПТР), которая была укомплектована прибывшими после нас новичками, в основном из числа досрочно освобожденных ребят из исправительно-трудовых колоний. Конечно же, они ни чем не были похожи на уголовников, показанных недавно в телефильме «Штрафбат». Это были осужденные по более легким статьям, Советское Правительство предоставило им возможность искупить свою вину на фронте и они с честью оправдали это доверие в боях за Родину. Командовал дивизионом старший лейтенант Матвеев, храбрый командир, отличный воспитатель».

Примерно месяц подразделения дивизии пополнялись прибывающими новобранцами. Проходила напряженная учеба под девизом «Трудно в ученье - легко в бою». И вскоре полки и спецслужбы дивизии стали полнокровными, полностью укомплектованными. Возглавил дивизию полковник К.И. Сазонов, комиссаром стал Г.И. Обыденный, а начальником политотдела назначили батальонного комиссара И.И. Новикова. В редакцию газеты прибыл новый политрук Булгаков. В Вышнем Волочке, пользуясь услугами городской типографии, редакция продолжила регулярный выпуск дивизионной газеты.

Боевая учеба в полках шла строго по распорядку. Дивизия готовилась к новым боям.

ЗАГРАДОТРЯД

Общевойсковые заградотряды начали формироваться в стрелковых дивизиях с 12 сентября 1941 года, численностью до батальона, из обычных красноармейцев согласно директиве Ставки Верховного Главнокомандующего, для того чтобы пресечь «отступательные настроения», возникавшие в отдельных частях Красной Армии, и для оказания помощи командному составу в поддержании твердой дисциплины в подразделениях. После приказа И.В. Сталина № 227 «Ни шагу назад» к формированию заградотрядов стало уделяться повышенное внимание. В 373-й дивизии формирование заградбатальона началось по приказу комдива К.И. Сазонова 24 октября 1942 года. Бывший начальник штаба этого батальона Б.М. Смирнов оставил о том периоде письменные воспоминания под названием «Резерв комдива Сазонова». «В заградительный батальон нашей дивизии, - писал он, - из каждого стрелкового полка было выделено по одной сводной стрелковой роте. Людей, в основном из числа коммунистов и комсомольцев, подбирал политрук Жилин, ставший потом политруком первой роты. Из 1235-го полка командиром роты в заградбатальон назначили лейтенанта Русакова, а одним из командиров взводов – меня.

Во время марша к линии фронта, после первой ночевки, я поднял свой взвод, провел с бойцами физзарядку. Днем начал с ними занятия по тактике боя. На практических занятиях показывал, как нужно ложиться после перебежки, быстро отползать в сторону,

чтобы не попасть на «мушку» врага. Вечером отводилось время для политзанятий. На следующий день меня вызвал к себе в шалаш комбат Хазиморданов, недавно кончивший курсы «Выстрел», и вместе с комиссаром Акимовы долго беседовал со мной. А потом поручил сходить в 1237 полк и стал рассказывать, как найти деревню, в которой стоял полк на дневке. Я извинился и попросил показать место расположения полка на карте.

— А читать-то ты карту умеешь? – спросил Хазиморданов.

— Как же не уметь, я ведь лейтенант, кандидат сельскохозяйственных наук.

Еще через день комбат назначил меня начальником штаба, а комиссар рекомендовал на должность парторга батальона. Заградбатальон держал постоянную связь с начальником оперативного отдела штаба дивизии подполковником Булдаковым. Когда начались бои, командиры рот и я стали старшими лейтенантами. Дивизия занимала оборону южнее Селижарово. Штаб дивизии располагался в маленькой деревушке Пустошке. Наш заградбатальон разместился здесь же в лесу. Бойцы вырыли землянки, установили печки, используя для этого бочки из - под горючего. В такой обстановке мы встретили праздник Великой Октябрьской Социалистической революции.

Через некоторое время нашу третью роту комдив К.И. Сазонов взял для несения комендантской службы при дивизии. Две другие роты перекрыли дороги в тыл. Во время боев комдив использовал заградбатальон как свой резерв, посылая роты или группы бойцов для поддержки стрелковых подразделений. Кроме того наш батальон собирал на поле боя отечественное и немецкое оружие, хоронил погибших, перекрывал дороги в тыл. Приходилось нам, и брать пленных немцев, затаившихся в деревнях.

Вскоре в дивизию пришел приказ готовиться к прорыву вражеской обороны. К этой операции мы готовились особенно тщательно. Перед атакой, в период томительного ожидания бойцами команды: «За Родину, за Сталина вперед!» Мы с капитаном Хазимордановым находились на КП комдива и ждали приказа. После артподготовки и залпа катюш полки с криком ура поднялись в атаку. 1239-й полк Степанова наступал на главном направлении, поэтому комдив помогал ему чаще. В разгар боя он направил ему на помощь нашу роту Бажина. Бажин построил солдат, как положено по уставу у блиндажа Степанова, и пошел ему докладывать. А в

это время немцы дали залп из минометов. В результате чего много бойцов, стоящих в строю, погибло. Бажев проклинал себя и плакал за допущенную оплошность. Для всех же нас этот случай послужил суровым уроком. Придавал временно комдив 1239-у полку и роту Русакова для взятия одной из высот. Как-то и я с задержанными нами дезертирами был послан на помощь Степанову и повел их на штурм высоты. Однажды после боя в расположение заградбата приехал подполковник Булдаков с офицерами. Только он вышел из-за маскировочной снежной стены на правом фланге нашей позиции, как по нему ударил немец из крупнокалиберного пулемета, но промазал, Подполковник от неожиданности даже присел, к счастью, все обошлось благополучно.

Можно было бы рассказывать о многом, что свершилось во время боев. Ограничусь лишь некоторыми случаями. Однажды мина пробила накат дзота и упала прямо на колени сидевшего там сержанта. Он взял ее за «хвост» и выбросил в амбразуру, только там она рванула.

А вот еще один невероятный случай. Сержант Калашников стоял в дверях дома, где под полом был оборудован командный пункт батальона. И вдруг ему под ноги падает вражеская мина. Сержант остолбенел от неожиданности, стоит, не шелохнувшись, не живой не мертвый, а мина так и не взорвалась.

В обороне мы стояли с 4 декабря 1942 года по 3 января 1943 года. Сдав позиции, сменяющей нас части мы отошли в тыл на переформирование. Вскоре заградбатальон был сокращен до одной роты, возглавил ее старший лейтенант Русаков, замполитом к нему назначен политрук Жилин. Капитан Хазиморданов принял стрелковый батальон в 1239 полку. Меня назначили заместителем комбата по строевой части. Так я оказался в полку подполковника Степанова. Начинался период всеобщего наступления советских войск. Отступательные настроения среди бойцов остались в прошлом, а следовательно заградотряд потерял свою актуальность».

УРДОМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

2 октября 1942 года 373-я стрелковая дивизия была вновь передана из резерва фронта в состав 39-й армии и, совершив 140 – километровый переход, сосредоточилась юго-восточнее города

Селижарова. 18 ноября комдив-373 полковник К.И. Сазонов получил приказ начать подготовку к проведению Урдомской наступательной операции, целью которой было сковать силы противника, не допустить их переброску в район Сталинграда. Передний край противника проходил в километре от реки Молодой Туд. В глубину немецкая оборона имела три хорошо укрепленных рубежа, частично соединенных между собой траншеями и ходами сообщения. Берега реки там оказались сильно заболоченные, еще не промерзшие. Лед был тонок, а на быстринах он вообще отсутствовал.

26 ноября в 8 часов 40 минут одновременный залп 250 – и орудий, эхом прокатившийся по долине реки Молодой Туд, возвестил о начале наступления. 20 минут бушевал огонь на позициях противника, особенно он усилился, когда к огневому налету артиллерии подключились катюши М-20. «Сквозь рассеивающийся дым и снежную пыль,- вспоминал бывший начальник артиллерии 373 дивизии Н.С. Бондаренко,- мы увидели бегущих к реке, спотыкающихся и проваливающихся в снегу уцелевших фашистов. Артиллерия перенесла огонь вглубь вражеской обороны. А наша пехота с криком ура, покинув траншеи, бросилась преследовать противника. По штурмовым мосткам, уложенным по льду, стрелковые роты преодолели реку, затем через проходы в проволочном заграждении и минных полях ворвались в опорные пункты обороны немцев. На подмогу пехоте подошли танки 28-й танковой бригады. Противник, едва опомнившийся от артиллерийского огня, открыл ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь с южного берега Молодого Туда и близ деревни Введено сбил гусеницу у танка Т-34 лейтенанта П.З. Мартянова. Но экипаж танка и без гусеницы, ведя огонь с места, продолжал поддерживать нашу пехоту. В это время 1237-й полк дивизии штурмом овладел деревней Куликово, 1235-й - деревней Бортники, а 1239-й полк вел бой за деревню Малые Бредники. На помощь 1239 – у полку комдив послал первую роту заградбата Русакова и группу бойцов под командованием начальника штаба этого батальона Б.М. Смирнова. Командир полка М.Ф. Степанов в решающий момент использовал роту Русакова при освобождении деревни Бредники, а группу Смирнова при взятии безымянной высоты. И враг дрогнул.

По всей четырехкилометровой ширине фронта прорыва полки неумолимо продвигались вперед. То затихала, то вновь разгоралась ружейная и пулеметная перестрелка, рвались снаряды и ми-

ны, гулко ухали орудия, стоявшие на закрытых позициях. Враг оставлял один за другим свои рубежи и отходил, бросая технику и автомашины. Используя успех уральской дивизии, продвинулась вперед и ее соседка слева, 135-я дивизия с 81-й танковой бригадой. Обе дивизии наступали по сходящимся направлениям в район Урдома. Освобождая селение за селением, 373-я двигалась вперед, преодолевая по 3–4 километра в день. До Урдома оставалось 2 километра.

День заканчивался. Быстро темнело. Артиллеристы уже в сумерках пристреляли реперы и рубежи некоторых целей. Мне позвонил начальник штаба артиллерии дивизии майор Мещеряков и сообщил: «Наши радисты случайно перехватили радиограмму, переданную открытым текстом: «Ваза! Ваза! Я в Урдоме. Подвезите снаряды». Стали выяснять, чей это позывной. Оказалось, что он присвоен 81-й танковой бригаде, которая действовала слева вместе с 135-й дивизией. Бойцы уральской дивизии, узнав, что танкисты уже в Урдоме и им нужна помощь, в кромешной тьме преодолели поляну перед деревней и завязали бой с немцами за колхозные сараи. Чтобы осветить подступы к деревне немцы подожгли несколько деревянных построек на окраине Урдома. Но эти пожары хорошо послужили и нам. Между строениями мы увидели скопление фашистских солдат, изготовившихся для контратаки. Я приказал командиру катюш дать залп. Огненными стрелами, зловеща шипя, 144 реактивных снарядов М-13 обрушились на врага. Над Урдомом разыгрался настоящий огненный смерч. Ответный огонь противника прекратился. Но через некоторое время перестрелка возобновилась. Примерно в 2 часа ночи 1237-й полк ворвался в центральную часть деревни, а 1235-й на ее северную окраину. Наших танкистов в Урдоме не оказалось. Как выяснилось потом позывной «Ваза» подал один из двух танков 81-й бригады, приданных временно 1235-у полку и находившихся в его боевых порядках».

Трое суток вела 373-я дивизия бои за Урдом. А 29 ноября на рассвете по приказу командарма, передав позиции 135-й дивизии, уральцы были выведены во второй эшелон.

4 декабря 1942 года 373-я дивизия с рубежа обороны в районе сел Станки – Брюханова, повела наступление на деревню Плеханово с целью перерезать дорогу Ржев - Молодой Туд. На подступах к деревне немцы создали сильную оборону. Здесь располага-

лись 12 дотов и дзотов, проволочные заграждения и минные поля. Несколько попыток уральцев овладеть деревней с ходу оказались безуспешными. Комдив решил уничтожать доты планомерно по одному - два за каждую операцию. Дела пошли веселее, но один дот оказался особенно крепким. Пришлось ночью подтянуть на позиции 230-миллиметровое орудие и замаскировать его. А утром, когда забрезжил рассвет, прямой наводкой орудие с первого выстрела поразила цель. Дот осел, словно обвалилось его перекрытие. Израсходовав, для верности на этот дот еще один снаряд, орудие переместили на прежнюю позицию.

Но после уничтожения дотов выяснилось, что в глубине обороны противника оказались другие подобные сооружения. И тогда, сформировав штурмовые группы, решили сокрушить врага путем планомерного прогрызания его обороны в ночное время. На этом рубеже 373-я дивизия вела бои до 3 января 1943 года, а 4 января дивизия отозвана к г. Селижарово для нового доформирования и пополнения.

24 февраля 1943 года 373-я перебрасывается в район Великих Лук, где с 18 по 28 марта ведет бои за высоты «Зеленая» и «Желтая» южнее озера Рытое.

10 июля 1943 года дивизия, переданная в состав 78-го стрелкового корпуса 52-й армии, вела бои под Воронежем. А с 18 июля по 2 сентября маневрировала по Воронежскому фронту, выходя на угрожающие направления во время боев на Курской Дуге, поддерживая общее наступление и оборону из глубины. С 3 по 7 сентября 1943 года участвовала в боях за освобождение города Зенькова и сел Полтавской области. После чего трое суток и днем, и ночью, вела бои за овладение сильным укрепленным узлом сопротивления села Лютенька. Это село, укрытое зеленью садов, обороняли 10-я и 34-я немецкие пехотные дивизии, поддерживаемые танками и авиацией. Во время завершающего штурма села, уральцы поднялись в атаку с развернутым боевым знаменем. Но вражеская пуля сразила знаменосца Гришаева. Знамя подхватил рядовой Барнауров. Но и у его ног разорвалась мина. И тогда взял знамя из рук убитого бойца замполит батальона Рождественский, и высоко подняв его, увлек за собой атакующих бойцов. На окраине села, он тоже был сражен пулеметной очередью. Подразделения же дивизии ворвались в село и обратили оккупантов в бегство. Старший лейтенант Рождественский был посмертно награжден орденом Лени-

на, а лютенчане его именем назвали улицу своего села. Еще одну улицу жители села назвали именем героя штурма капитана Печенкина. Другие герои штурма Н.С. Бондаренко и Н.И. Клетченков стали почетными гражданами села Лютенька. Среди отличившихся при освобождении села: в приказе комдива были отмечены капитан Федорченко, старшие лейтенанты Борисов и Яковлев, старшина Волков, санинструктор Асеева, командиры подразделений А.А. Энзельдт, Шелагуров, Завало, А.К. Окороков и другие.

В тяжелых и кровопролитных боях за село Лютеньку части дивизии. Сломив сопротивление врага, захватили плацдарм на реке Псел и получили новую задачу - повернуть фронт наступления на юг в междуречье рек Псел и Хорол и нанести главный удар в направлении на Миргород.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МИРГОРОДА

Наступая на Миргородском направлении, 373-я дивизия в ожесточенных боях освободила более 30 деревень и хуторов. 1235-й полк 17 сентября 1943 года первым форсировал реку Хорол, очистил от врагов центральную и северную часть большого села Поповка. 1237-й полк, поддержанный артиллерийским дивизионом, овладел населенным пунктом Гаюн-Пашевский. Противник предпринял отчаянную попытку восстановить утраченное положение. Собрал все свои резервы, включая восемь танков, и бросил их на позиции уральцев. Но полки дивизии при взаимодействии с артдивизионом отразили контратаку, обратили гитлеровцев в бегство и освободили еще несколько деревень.

«На подступах к Миргороду, в районе поселка Декабристов, вспоминал бывший командир минометной батареи Н.И. Клетченков,- нам, следуя за пехотой, часто приходилось менять наблюдательные пункты. Однажды для наблюдения мы расположились в воронке от авиабомбы. Как только в воронку к нам спрыгнул связист, разорвался снаряд на заднем бруствере, а через несколько минут – на переднем. По характеру звука выстрела и скорости полета снаряда я понял, что стреляют из танка, танкист видит нас и не позволит корректировать огонь батареи. Осторожно выглядываю из воронки, внимательно осматриваю окрестность и вижу в метрах пятистах замаскированный немецкий танк. Вот когда, как

воздух, нужна была мне связь, но телефонный кабель порван разрывом снаряда. Посылаю связиста Волостнова устранить повреждение кабеля. Но только он покинул воронку, как снова разорвался снаряд. Волостнова сильно контузило. Мы втащили его обратно в воронку. Через несколько минут он пришел в себя и начал разговаривать, правда, сильно заикаясь. Наша пехота залегла под плотным ружейно-пулеметным огнем. Комбат майор Коваль просит поддержать пехоту минометным огнем. А у меня связи нет. Посылаю наблюдателя Климанкова к командиру артиллерийской батареи Оганесяну с просьбой: «Выручай!». Наблюдатель осторожно перевалился через бруствер, потом ползком и короткими перебежками добрался до артиллерийской батареи, которая стояла недалеко на прямой наводке. С огневых позиций этой батареи танк не наблюдался. Климанов передал Оганесяну мою просьбу и показал ему место, где замаскировался танк. Оганесян принял решение перекатить вручную одно орудие на новую позицию. Произвел первый выстрел по вражескому танку. Недолет. Второй выстрел, снаряд скользнул по броне и срикошетировал. Третьим выстрелом заклинило башню. И немецкий танк стал задним ходом отползать в кукурузное поле, но уйти не успел. Четвертым снарядом он был подбит и окутался черным дымом. К этому времени мне была подана связь на наблюдательный пункт. По моему приказу и наводки минометная батарея открыла огонь по позициям противника, да такой огонь, что у немцев началась паника, а я даже усомнился, мои ли ребята это стреляют. Почувствовав поддержку минометчиков, наша пехота с криком ура поднялась в атаку и сходу освободила поселок Декабристов».

Теперь до Миргорода, воспетого в бессмертных произведениях Н.В. Гоголя, было уже «рукой подать». 1239-й полк, переправившись через реку Хорол, освободил южную часть села Поповка. 1235-й полк, продолжая теснить врага, овладел селами Котляры, Шахворостовка, Любившина и получил задачу одним батальоном наступать на западную часть Миргорода, а основными силами действовать в обход города, овладеть селом Ерки и перехватить дорогу Миргород - Хорол. 1239-й полк в это время с боями продвигался к городу, а 1237-й полк овладел селами Зубовка и Велики. 18 сентября к 10 часам при поддержке артиллерии полки дивизии ворвались на северную, западную и северо-восточную окраину Миргорода. Противник отчаянно сопротивлялся, но, опасаясь ок-

ружения, стал покидать город. Первым на плечах противника ворвался в Миргород батальон майора Коваля. Очищая квартал за кварталом, 1237-й полк продвигался к железнодорожному вокзалу. 1239-й полк, сбив противника с его оборонительных рубежей в районе Миргородского кладбища, продвигался по улице Гоголя и параллельной ей улице к центру города. Но, встретив сильный огонь автоматчиков и самоходного артиллерийского орудия, который велся из городского парка, был вынужден остановиться. Командир полка направил батальон стрелков в обход парка, а в бой с самоходкой вступил орудийный расчет лейтенанта Зинченко. Артиллеристы, прикрываясь строениями и забором, выкатили свое орудие на прямую наводку и прежде, чем немцы их обнаружили, подбили вражескую самоходку. Немцы, не ожидая такого исхода событий, преследуемые пехотой уральцев, бежали к железнодорожному вокзалу, а затем из города.

К 13 часам части 373-й дивизии, взаимодействуя с передовым отрядом 93-й дивизии, который на танках подошел от Великих Сорочинцев, полностью очистили город от захватчиков, перерезали железнодорожную линию Ромодан – Полтавка и водрузили над Миргородом Красное знамя. Миргород вновь стал советским. Об этом волнующем моменте делился своими впечатлениями бывший инженер 1239-го полка В.Г. Передаренко: «Утро было тихим, небо безоблачным. Начинался теплый солнечный день. Оживленно переговариваясь между собой, мы – инженерная команда, продвигались по направлению к городу. Ушедшие вперед разведчики почему-то не давали о себе знать. Все ближе и ближе мы подходили к Миргороду. Сначала в бинокль, а затем визуально стали видны первые домики на городской окраине. Никаких движений возле домов не наблюдалось. Казалось, что город замер. И только дойдя до крайних домов, мы увидели группу местных жителей, которые выйдя из укрытий, с невероятной радостью встречали своих освободителей. Наша инженерная группа вступила на городскую территорию уже без вражеского сопротивления. Выйдя к площади, что в центре Миргорода, мы обратили внимание на большую лужу. «Так это же та самая лужа, которую красочно описал Н.В. Гоголь», - предположил кто-то. На всем протяжении движения по городу наше подразделение сопровождали дети. Ребята с любопытством разглядывали красноармейцев и наперегонки отвечали на все наши вопросы. Замполит Карпов попросил по-

дошедших на площадь мужчин сколотить простенькую трибуну из подручного материала. Ребятишки, получив от нас задание, собрать людей на митинг, бросились врассыпную с криками: «Внимание, внимание, всем собраться на площади на митинг! Все, как один на митинг!». Когда площадь наполнилась местными жителями, подъехали комдив К.И. Сазонов и начальник политотдела 52-й армии полковник П.Б. Банник. Они с напех сколоченной трибуны, на которой стоял и я, выступили перед населением с речами. Рассказали про разгром немцев под Москвой, Сталинградом и в Курской битве. Люди со слезами на глазах слушали красных командиров, ведь истинное положение на фронтах от них тщательно скрывалось. И теперь они узнавали правду о своей большой Родине и о своей Красной Армии».

19 сентября по центральному радио был передан приказ Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина о присвоении 373-й и 93-й стрелковым дивизиям наименования «Миргородских». А в Москве в честь отличившихся в Миргородской операции соединений был дан артиллерийский салют.

ЗВЕРСТВА ОККУПАНТОВ

Вначале декабря 1941 года бойцы и командиры 373-й стрелковой дивизии, проделав путь от Урала к фронту, выгрузились в городе Торжке и были поражены масштабами бессмысленных разрушений фашистами когда-то красивого и уютного города. А впереди уральцев ждали встречи с необъяснимыми с позиции здравого смысла преступлениями оккупантов.

Бывший командир артиллерийского дивизиона В. Лесков рассказывал как в эшелоне, следующем на фронт, начальник штаба дивизиона лейтенант Алексеев убеждал товарищей, что немцы это цивилизованный, культурный народ. И вот на фронте, после освобождения деревушки Нивники в Калининской области, мы вместе с ним увидели картину зверской расправы фашистских извергов над мирными советскими гражданами. В одном из сараев лежало 9 трупов, среди них труп девочки лет двенадцати с распоротым животом. Время позволяло, и мы привели личный состав дивизиона к месту совершенного злодеяния, чтобы все увидели, с каким врагом мы имеем дело. Слов не потребовалось. Без команды

все сняли шапки и несколько минут стояли в оцепенении. А потом ломami и лопатами углубили воронку от авиабомбы и похоронили в ней замученных. У Алексеева на другой день после этого события появилась на висках седина, он стал малоразговорчивым, а в бою всегда стремился туда, где наиболее опасно. В другом освобожденном нами селении мы увидели, как из леса вышла группа местных жителей, человек сто, и направилась в нашу сторону. Среди них было только 8 мужчин преклонного возраста, остальные женщины и дети. Они рассказали, как зимой в их село вошли немцы и выгнали всех жителей в лес. Сопротивлявшихся выселению расстреливали. В лесу люди соорудили землянки и жили в них более двух месяцев. Трудно передать словами как выглядели эти люди, одетые в лохмотья, с желтыми опухшими от голода лицами и потухшими глазами. Красноармейцы отдали им все продовольствие, что хранилось в их солдатских вещмешках. В деревне уцелело несколько деревянных домов и одно большое кирпичное здание. Судя по тому, что в здании валялось несколько десятков трупов вражеских солдат, здесь находился немецкий лазарет. Бойцы очистили здание от трупов и разместили в его помещениях прибывших из леса людей. Больше мы для них ничего сделать не могли, так как с наступлением сумерек дивизион покинул селение.

Таких замученных мирных граждан мы на своем пути встречали бесчисленное множество, а в деревне Березке увидели сожженного и подвешенного вниз головой на колодезном журавле голого мальчика лет десяти. В деревне Хохловке фашистские варвары согнали несколько десятков жителей в большой сарай, облили его горючим и подожгли, а тех, кто сумел вырваться из огня, расстреляли из автоматов. При вступлении в деревню мы увидели ужасную картину. У дороги еще тлели угли сгоревшего сарая, стоял едкий запах горелого мяса, а вокруг бывшего сарая лежали трупы детей и женщин, расстрелянных при попытке уйти от огня.

Грабя и насилуя местное население, гитлеровцы не останавливались не перед чем. Даже одежду замученных и убитых ими мирных жителей они собирали для нужд «великой» Германии. «Будучи в окружении, вспоминала бывшая связистка Т.А. Кузнецова,- наши бойцы в целях добычи продовольствия часто охотились за немецкими автомашинами и повозками. Однажды они захватили несколько автомашин, заглянули в кузов одной из них, а там старая детская одежда со следами крови. Сомнений не было в

том, что одежда эта снята с трупов убитых детишек. Знали бы вы с какой яростью при виде такого зрелища сверкали глаза наших бойцов, и какой ненавистью к врагу переполнялись наши сердца».

«Здесь, в районе Сычевки,- продолжал В. Лесков, - состоялась моя встреча с одним из предателей Родины, с местным жителем из бывших кулаков. С первых же дней оккупации деревни он стал старостой и ревностно служил оккупантам. Какие-то обстоятельства помешали ему бежать с немцами. Женщины села нашли его в погребе, связали и привели в штаб дивизиона. Предателя расстреляли в этот же день.

При отступлении немцы угоняли с собой на работы в Германию трудоспособных жителей, оккупированных ими сел и городов. Чтобы избежать неволи мужчины и подростки села Дахновка спрятались в зарослях тростника. Несмотря на то, что немцы очень спешили, их командир обер – лейтенант дал команду расстрелять пулеметными очередями спрятавшихся в тростниках. Оккупанты, по-видимому, очень старались, выполняя приказ, задержались в Дахновке, и большинство из них попало в плен. Ветеран дивизии И..А. Сиднивец оказался невольным свидетелем, как через Дахновку конвоировали пленных немцев. «Одна из женщин, работавшая на огороде, - рассказывал он,- вдруг выхватила из земли вилы и бросилась к колонне немцев. Конвоир преградил ей дорогу. И тогда женщина залилась слезами и забилась в истерике, выкрикивая: «Пустите меня, я этого изверга должна сама порешить! Он застрелил моего сыночка и мужа. Отдайте мне его!» Рядом вцепившись ручонками в подол юбки матери, во весь голос плакала девочка. Подошедший на крик советский офицер стал объяснять женщине, что это военнопленные, безоружные и хотя они злейшие враги, чинить самосуд над ними строго запрещено. Командиры НКВД сами во всем разберутся, и каждый фашист получит по заслугам. Но женщина стояла на своем: «Я не отстану, пока не получу убийцу моего мужа и сыночка». И так она шла рядом с вооруженными конвоирами с вилами наперевес. Эта женщина узнала того обер-лейтенанта, который отдал приказ расстреливать местных жителей, спрятавшихся в тростниках. Колонна вошла в село и скрылась за деревьями. Стало тихо. Я же долго не мог двинуться с места, стоял, как вкопанный. Увиденное потрясло меня до глубины души, особенно девочка, вцепившаяся в подол матери и заливающаяся горькими слезами.

Спустя сутки я ехал через Дахновку на переправу и неожиданно увидел в центре села виселицу, а на ней качался тот самый обер-лейтенант, которого требовала выдать женщина. Возмездие настигло душегуба.

В дивизии были крепкие партийная и комсомольская организации, хорошо поставлена политическая работа в частях. Я помню, как накануне наступления на Миргород в подразделениях обсуждалась статья военкора Ю. Севрука, напечатанная в армейской газете, в которой рассказывалось, как в декабре 1941 года немцы вошли в Миргород, согнали жителей еврейской национальности на базар, построили в колонну и повели за город. Люди шли семьями. Родители несли маленьких детей на руках или держали их за руку. Никто из них не знал, что идут они на верную смерть. За городом у противотанкового рва людей расстреляли из пулеметов и автоматов».

Чудовищные преступления продолжались и в городе. Первыми жертвами оккупантов становились коммунисты и комсомольцы. Миргородцы гордились своим краеведческим музеем, в нем хранились рукописи и первые издания сочинений Н.В. Гоголя. Оккупанты разграбили его, а отступая, подожгли здание музея. Это случилось в сентябре 1943 года за несколько дней до освобождения Миргорода уральской дивизией.

ВПЕРЕД НА ЗАПАД

В конце сентября 1943 года 373-я стрелковая дивизия, прорвав оборону врага, вышла на левый берег Днепра. 2 октября 1239-й полк в районе села Домантово сделал попытку форсировать Днепр, но оборона врага оказалась очень сильной и наступательные действия дивизии на некоторое время прекратились. В подразделениях началась усиленная партийно-политическая работа. В прибрежных селениях приобретались лодки и другие плавсредства. 11 ноября разведчики Алексеенко, Коваленко, Кузнецов, Павлов, Рачков переправились на правый берег Днепра возле железнодорожного моста и взяли «языка», после допроса, которого выяснилось, что противник о замыслах Советского командования сведений не имеет. 12 ноября в 22 часа подразделения дивизии сосредоточились не далеко от берега вдоль реки, в местах намеченной

переправы. В полночь первые два десятка лодок с бойцами четвертой роты второго батальона 1239-го полка во главе со старшим лейтенантом А.А. Энзельдтом бесшумно отошли от берега и растаяли в ночи. Следом за четвертой ротой двинулась пятая рота. Почерневшие в ночи волны Днепра, как ни в чем, ни бывало, накатывались на берег и с легким шумом отступали обратно. В лодки садились бойцы шестой роты старшего лейтенанта Мухлыкова. В это время с правого берега взлетела осветительная ракета, ее красноватый свет выхватил из темноты подходящие к берегу лодки пятой роты. Вслед за первой осветительной ракетой последовало множество других, и немцы открыли ураганный огонь по переправе. Но четвертая и пятая роты уже захватили плацдарм на правом берегу и поддерживаемые артиллерией с левого берега вступили в ожесточенную схватку с противником. Дальнейшая переправа подкрепления на плацдарм стала невозможной. Поэтому комдив К.И. Сазонов приказал командиру 1239-го полка перевести полк в район Свиждовок, переправиться на плацдарм, захваченный 254-й дивизией и наступать вдоль Днепра на село Дахновку. Командир второго батальона Пронин получил приказ оборонять плацдарм, захваченный четвертой и пятой ротами. Четверо суток полыхали бои на плацдарме. Оставшиеся в живых бойцы отошли к самому берегу Днепра и заняли оборону полукругом. Основные же силы полка в это время уже вели бои за Дахновку. 17 ноября комполка М.Ф. Степанов приказал оставшимся в живых защитникам плацдарма переправиться на правый берег и присоединиться к полку. Ценою своей жизни воины четвертой и пятой рот второго батальона отвлекли на себя силы и внимание противника и облегчили форсирование Днепра в районе Свиждовок, где 52-я армия наносила основной удар по врагу.

В ночь на 19 ноября 1239-й полк ворвался в Сосновку и к полудню овладел ею. В этот день по данным разведки стало известно, что враг сосредоточил в районе Черкасс 72-ю пехотную дивизию и танковый дивизион СС «Викинг», туда же подтягивались свежие резервы живой силы и техники гитлеровцев.

«На 20 ноября,- вспоминал бывший командир минометной батареи С.Т. Завало,- был назначен штурм Черкасс. Командир 1239-го полка М.Ф. Степанов приказал перенести его командный пункт в первую траншею. Рядом был оборудован наблюдательный пункт командира 931-го артиллерийского полка Ю.В. Яновского.

В 6 часов артиллерия открыла огонь по переднему краю обороны противника. Через 30 минут артиллеристы перенесли огонь вглубь обороны гитлеровцев и пехота пошла в атаку. Но по мере приближения к городу сопротивление врага возрастало. Наблюдатель, сидевший на дереве, доложил о скоплении танков и пехоты противника, готовившихся к контратаке. Комполка М.Ф. Степанов дал команду полковой батарее 76-миллиметровых пушек старшего лейтенанта Борисова приготовиться к ведению заградочного огня. Такую же команду дал Ю.В. Яновский командиру артдивизиона капитану Балаеву. В указанный М.Ф. Степановым момент артиллеристы открыли огонь по наступающим немецким танкам и пехоте. Замерли и окутались дымом несколько вражеских машин. Ряды гитлеровцев поредели и они, оставив на поле боя своих убитых, начали отступать. Обнаружив, по-видимому, наблюдательные пункты наших командиров они открыли по нему ответный огонь. Несколько их снарядов попали прямо в траншеи нашей пехоты. Полковник М.Ф. Степанов и подполковник Ю.В. Яновский погибли. Они оба за боевые действия в Черкасской операции были удостоены орденов Ленина посмертно и похоронены в одной могиле в селении Золотоноша. Командование 1239-м полком принял майор С.И. Давидков, он, перегруппировав полк, повел его во второе наступление на город. К концу 28 ноября войска 52-й армии полностью окружили Черкассы. Противнику было предложено сложить оружие, но враг отклонил это предложение и 30 ноября крупными силами при поддержке 70 танков и самоходных орудий повел наступление со стороны Смелы с целью деблокировать окруженную в Черкассах группировку и 5 декабря сумел прорвать кольцо окружения».

9 декабря возобновились активные боевые действия. В ночь на 10 декабря 1239-й полк занял еще 9 кварталов, имевших большое тактическое значение. 11 декабря подразделения 1235-го полка достигли 216-го квартала и дважды штурмовали засевшего там противника. Другая часть этого полка освободила от врага юго-восточную окраину города. Здесь отличились комбат И.А. Родиновский и комсорг Сарочан. Действие пехоты надежно поддерживали артиллеристы противотанковой полковой батареи 45-миллиметровых орудий старшего лейтенанта Г.Я. Лукьянова. Бывший командир орудия А.К. Огороков вспоминал о том периоде боев: «Сильные бои развернулись на подступах к городу Черкассы, где

мы, оказавшись в авангарде наступающих войск, непрерывно вели артобстрел мест скопления противника. Но и противник усиливал ответный огонь. К полудню стало очевидным, что он стремится, во что бы то ни стало, уничтожить нашу батарею. И этот замысел ему едва не удалось осуществить. Один из его снарядов разорвался рядом, метрах в четырех от орудия, и взрывной волной нас разбросало в разные стороны. Когда, придя в сознание, я поднялся с земли, то первое, что бросилось мне в глаза – это наша пушка. Она невредимой оставалась стоять на месте, а снег вокруг нее сверкавший белизной перед боем, теперь казался почти черным. Осколок снаряда пробил мне руку, несколько маленьких осколков попали в голову, кровь стекала по лицу и слепила глаза, в ушах что-то шумело и свистело. Смертельно раненый наводчик мучительно стонал, просил: «Ребята, пристрелите меня...». Но кто, же поднимет руку на своего?.. Через несколько минут он скончался.

Вид в тот момент у нас был таким, как будто побывали мы в преисподней: почерневшие от копоти и порохового дыма, в фуфайках, в один миг превращенных разрывом снаряда почти в лохмотья; на мне, к примеру, оказались оторванными оба рукава. Командир взвода, получивший ранение, вышел из боя. Формально я должен был последовать за ним. Но взглянув на своих избитых осколками товарищей, представив, как тяжело им будет без меня, скомандовал: «К оудию!» и сам встал на место наводчика, решив держаться до конца».

За этот бой А.К. Огороков был удостоен ордена Славы третьей степени. Через полтора месяца вызвали его в политотдел дивизии, а оттуда направили на курсы политсостава 2-го Украинского фронта. Окончив их, он возвратился в свою дивизию офицером-политработником и вскоре стал освобожденным парторгом стрелкового батальона.

12 декабря 1943 года в 8 часов 30 минут начался последний, четвертый, штурм Черкасс. После мощной артиллерийско-минометной подготовки штурмовые группы пошли в атаку. В жестоких схватках уральцы совместно с другими соединениями очищали от врага дом за домом, квартал за кварталом. 14 декабря в 22 часа город Черкассы был полностью освобожден.

За мужество и отвагу при форсировании Днепра и в боях за освобождение Черкасс 492 солдата и командира 373-й Миргородс-

кой стрелковой дивизии были удостоены орденов и медалей, а дивизия приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина от 14 декабря 1943 года награждена орденом Красного Знамени. Столица нашей Родины Москва в этот день салютовала доблестным войскам, освободившим город Черкассы, двенадцатью артиллерийскими залпами из 124-х орудий.

В конце 1943 года 52-я армия 2-го Украинского фронта, в которую входила 373-я дивизия, занимала оборону на реке Тясмин. Здесь войска встречали новый 1944 год. Вечером 31 декабря, когда сгустились сумерки и наступила относительная тишина, бойцы 373-й уральской дивизии, вспоминая, рассказывали друг другу о добром мирном времени, о том, как они наряжали елку в клубе ферросплавного завода, как рассказывали на новогоднем вечере стихи про деда-мороза и страстно желали быстрее окончания этой ненавистной войны. Кто-то из челябинцев, разместившись на ящиках из-под патронов, писал на родину письма, кто-то просто, засыпая, мечтал о встрече после войны со своими родными и близкими. И вдруг в полночь раздался оглушительный грохот, от которого казалось, что вот, вот обрушатся небеса. Это артиллеристы ровно в 24 часа дали залп по немецкой обороне из сотни орудий разного калибра, посылая символический новогодний подарок оккупантам. Немцы молчали. Они не могли позволить себе ответить тем же, так как испытывали трудности с обеспечением боеприпасами. Этот факт наглядно демонстрировал уже о явном превосходстве советских войск над гитлеровцами.

В начале января 1944 года 373-я дивизия, успешно осуществив ряд наступательных операций, освободила крупные населенные пункты Смелянского района, к 15 января на рубеже Хацки - Б. Яблоновка - Березняки, перешла к временной обороне и начала готовиться к Корсунь-Шевченковскому сражению, названному впоследствии Украинским Сталинградом.

КОРСУНЬ – ШЕВЧЕНКОВСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Корсунь-Шевченковская операция советских войск началась 24-25 января 1944 года наступлением ударных группировок 1-го и 2-го Украинских фронтов, сосредоточенных у основания Корсунь-Шевченковского выступа, которые нанесли удар по сходящимся

направлениям и соединились в районе Звенигородки. В результате десять дивизий и одна бригада гитлеровцев оказались в окружении, и противник был вынужден прекратить контрнаступление, начатое им восточнее Винницы и севернее Умани и все танковые дивизии бросить для спасения окруженной группировки. Но советское командование приняло меры по своевременному устойчивому созданию внешнего фронта окружения. Одновременно общевойсковые армии образовали внутренний фронт, охватывающие со всех сторон окруженные войска. Сразу же после окружения противника советские войска нанесли по врагу ряд ударов по различным направлениям с целью расчленения вражеской группировки и последующим ее уничтожением. 52-я армия начала активные боевые действия 26 января. Основной задачей ей ставилось освободить город Смела, а затем, наступая на Городище и Корсунь-Шевченковский, расчленить войска противника, соединиться с 27-й армией 1-го Украинского фронта и совместными действиями уничтожать по частям окруженного противника. На направлении главного удара 52-й армии действовала 373-я Миргородская Краснознаменная дивизия.

К утру 28 января части дивизии вышли к железной дороге, идущей от Смелы до Цветково, и отрезали пути отступления гитлеровцам, оборонявшим город Смела. Командир 1237-го полка подполковник Булдаков силами одного батальона, усиленного полковой ротой автоматчиков старшего лейтенанта Трандина, атаковал артиллерийские позиции противника на окраине города. После непродолжительного боя, немцы, бросив заряженные орудия, разбежались.

29 января подразделения 1237-го полка вошли в города Смела и, преследуя противника, освободили села Константиновка, Балаклея, Западная. По мере продвижения вперед сопротивление врага возрастало. Немецко-фашистские захватчики, обреченные на гибель, отчаянно сопротивлялись. Но и бойцы уральской дивизии действовали четко, показывая высокие боевые качества. Об одном боевом эпизоде сражения за Корсунь рассказал замполит командира батальона 1237-го полка Д.А. Игнатенко.

«Глубокой ночью с 30-го на 31-е января на наши тыловые подразделения и штаб батальона, расположенный во дворах окраины села Балаклеи, внезапно напала рота немецких автоматчиков с целью проведения разведки боем и захвата «языка». Мы

тогда с комбатом капитаном Ливенцовым, возвратившись из штаба 1237-го полка, зашли в дом, где находился штаб батальона. Вдруг справа от нас, в расположении взвода противотанковых пушек, началась сильная стрельба. И прежде чем мы могли оценить обстановку, наш штаб оказался окруженным немцами. Мы заняли круговую оборону и открыли огонь из окон и дверей дома. Но немцы настойчиво приближались к штабу и уже начали бросать гранаты. Парторг батальона младший лейтенант Белобородов сумел пробиться через цепи наступающих фашистов, собрал солдат минометной роты и стал теснитьседавших гитлеровцев. Бой продолжался около часа. Понесся значительные потери, немцы отступили в лес. Батальон потерь не имел. Лишь у противотанкового орудия лежал тяжелораненый наводчик рядовой Полозков. Заняв позицию у орудия, он отстреливался от нападающих из автомата. На него сзади набросилось трое фашистов, и хотели взять его в плен. Полозков упорно сопротивлялся, одному немцу оторвал ухо, другому откусил нос. Увидев бегущих к Полозкову на помощь товарищей, немцы выстрелили ему в грудь и поспешно отступили. Однако рана Полозкова оказалась не смертельной. Врачи спасли ему жизнь. Полозков стал любимцем нашего батальона».

Продолжая сжимать кольцо окружения врага, дивизия продвигалась вперед и, конечно же, в тяжелых боях теряла своих товарищей. В сражении за Городище погиб командир 1239-го полка подполковник Власов, пал смертью храбрых старший лейтенант Николаев, который в критический момент поднял роту в атаку и личным примером увлек бойцов на врага. «Это был трудный, но славный боевой путь на запад. Наши части прошли его доблестно. Дороги на Корсунь были завалены трупами оккупантов и их военной техникой», - вспоминал ветеран дивизии В.Е. Назарецкий. К 8 февраля положение окруженной группировки фашистов стало безнадежным. Чтобы избежать напрасного кровопролития советское командование предложило противнику капитуляцию на гуманных условиях. Но это предложение враг не принял и попытался деблокировать окруженную группировку. Ценою больших жертв немецким дивизиям, атаковавшим с внешнего фронта, удалось пробиться до Лысянки, а немецкой группировке, наступающей им навстречу из котла, удалось продвинуться до Шендеровки. Между ними оставалось всего 12 километров, но преодолеть их они не смогли.

14 февраля с вечера начался бой за село Яблоневку, близ Шендеровки, и продолжался всю ночь. Сержант 1237-го полка Н.И. Князев с отделением пулеметчиков проник в тыл противника и открыл огонь по огневым точкам врага. Когда погиб один из его пулеметчиков Н.И. Князев, заменив товарища, стал вести огонь из двух пулеметов по очереди. Огонь был настолько точным и результативным, что Гитлеровцы были вынуждены отступить на окраину села. Воспользовавшись этим батальон 1237-го полка, ворвался в село. За этот бой Н.И. Князеву Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Советского Союза. После войны Н.И. Князев много лет находился на руководящей работе в колхозе «Заря» Чебаркульского района. Где в 1941 году формировалась его дивизия.

17 февраля остатки вражеских войск сосредоточились в районе Шендеровки и предприняли последнюю, отчаянную попытку вырваться из котла. Воспользовавшись поднявшейся пургой и снегопадом, под покровом темноты они колоннами двинулись напролом в юго-западном направлении. Их встретили и расстреливали в упор подразделения советских войск. В этой жестокой схватке с врагом отличился 1239-й полк 373-й дивизии, действовавший в районе Шендеровки с 15 по 18 февраля. Летчики ночной легкособорудованной авиации обрушили бомбовые удары на головы противника, смертоносный огонь открыли катюши и артиллерия. Лишь небольшому количеству немецких солдат и офицеров, да танкам и БТР с генералами и старшими офицерами удалось вырваться из котла. Корсунь-Шевченковское сражение окончилось тяжелым поражением оккупантов. 55 тысяч солдат и офицеров противник потерял здесь убитыми и ранеными, 18 тысяч гитлеровцев сдались в плен. Вся их боевая техника и вооружение остались на полях сражения.

«Результаты Корсунь-Шевченковской операции далеко превзошли ее первоначальные цели... В ходе ее советские войска продемонстрировали высокое искусство маневра, осуществленного в сжатые сроки и в трудных (в непогоду и распутицу-Л.П.) условиях».

Продолжая наступление на запад, 373-я дивизия освободила Умань, форсировала Днестр, овладела городом Сороки и совместно с другими соединениями - гордом Бельцы, в общей сложности освободила более 70 населенных пунктов Молдавии. В числе пер-

вых дивизия севернее Яссы форсировала Прут и перенесла боевые действия на территорию Румынии. В этих боях звание Героя Советского Союза присвоено командиру 76-миллиметрового орудия 1239-го полка старшему сержанту А.Г. Коробейникову

За форсирование реки Днестр и освобождение города Бельцы 373-я Миргородская Краснознаменная стрелковая дивизия указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1944 года награждена орденом Суворова второй степени.

ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Стратегическая наступательная Яско-Кишиневская операция 2-го и 3-го Украинских фронтов готовилась особенно тщательно и началась в 6 часов утра 20 августа 1944 года при значительном численном превосходстве советских войск над противником, как в живой силе, так и в технике. После мощной, продолжавшейся более полутора часов артиллерийской подготовки, войска обеих фронтов перешли в наступление. 52-я армия 2-го Украинского фронта, в составе которой действовала 373-я Миргородская, Краснознаменная, ордена Суворова второй степени стрелковая дивизия, наступая совместно с 27-й армией из района города Яссы, в обход Яскового и Тыргу-Фрумосского укрепрайонов, уже в первый день прорвала оборону врага и продвинулась в глубь ее на 16 километров. Изолировав тем самым, 6-ю немецкую армию от 8-й. Во второй день наступления противник подтянул к району прорыва части 12-и дивизий, в том числе 2 танковые, и контратаками пытался остановить наступление. Но своевременное решение советского командования ввести в полосу прорыва 52-й армии 18-й танковый корпус сорвало замыслы врага. К исходу второго дня наступления 373-я дивизия совместно с другими соединениями освободила город Яссы и повела наступление в направлении Хуши.

Не менее успешно наступали из района Тирасполя войска 3-го Украинского фронта, в составе которого действовали 20-я гвардейская дивизия, сформированная в Челябинске, как 174-я, и 96-я добровольческая танковая бригада имени Челябинского комсомола. Здесь отличились бойцы 20-й гвардейской, по подвигам которых можно было судить о накале происходивших боев. «На позицию пулеметчика А.И. Гусева двигались четыре немецких танка. Понимая, что пулеметом танки не остановить, А.И. Гусев привя-

зал к груди гранаты и бросился под один из них. Аналогичный подвиг совершил К.И. Гуренко. В решающий момент он, прижав к груди гранаты, бросился под идущий на него танк. Оба танка были подорваны, а К.И. Гуренко и А.И. Гусев удостоены звания Героя Советского Союза посмертно».

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, наступая навстречу друг другу, охватывали противника с севера и с юга и сомкнули кольцо окружения в районе Хуши. К этому времени десантная группа 46-й армии, и моряки Дунайской военной флотилии форсировали Днестровский лиман, освободили город Аккерман и, продолжая наступление, окружили 3-ю румынскую армию, которая на другой день прекратила сопротивление. 96-я добровольческая танковая бригада имени Челябинского комсомола, после прорыва фронта южнее Тирасполя была развернута на юг и повела наступление, освобождая города и села Молдавской ССР.

«В результате четырех дней операции,- докладывал Маршал советского союза С.К. Тимошенко Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину,- войска 2-го и 3-го Украинских фронтов 23 августа завершили оперативное окружение Кишиневской группировки противника».

Особенностью Яско-Кишиневской операции было то, что одновременно с окружением противника, советские войска вели стремительное наступление на внешнем фронте. Советское командование, выделив 34 дивизии на внутренний фронт для ликвидации окруженной группировки, а основные силы, более 50 дивизий и 6-ю танковую армию нацелило на продолжение наступления вглубь Румынии. 27 августа была ликвидирована окруженная группировка врага восточнее реки Прут. А 29 августа уничтожены части, которым удалось переправиться через Прут юго-западнее Хуши. Советские войска за короткий срок полностью разгромили немецко-фашистскую группировку «Южная Украина», ликвидировали 22 немецких дивизий и почти все румынские соединения, что ускорило выход Румынии из войны. «Яско-Кишиневская операция, вошедшая в историю как Яско-Кишиневские Канны, дала ярчайшие примеры высокого уровня советского военного искусства». А солдаты и командиры проявили стойкость, героизм и способность на самопожертвование. Командир отделения ПТР истребительного противотанкового дивизиона 373-й дивизии молодой коммунист Н.И. Суханов более часа со своими бронбой-

щиками сдерживал врага, атакующего высоту 197,0. Был ранен. Изнемогая от боли, несколькими выстрелами он подбил один атакующий танк. Другой танк ворвался на позиции 2-го расчета. Пехота противника находилась уже в метрах пятидесяти от бронбойщиков. Н.И. Суханов отдал приказ расчетам отойти с высоты, а сам прикрыл их отход, ведя огонь из автомата. Когда кончились патроны и автомат замолчал, полтора десятка гитлеровцев бросились на смельчака, раздался взрыв. Н.И. Суханов подорвал себя гранатой вместе с оккупантами. Указаом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно.

Бывший парторг 2-го стрелкового батальона 1237-го полка 373-й дивизии челябинец А.К. Огороков вспоминал:

«Накануне наступления в частях и подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, где коммунисты и комсомольцы давали клятву Родине и партии с честью выполнить боевой приказ и призывали всех бойцов последовать их примеру. За два дня до наступления наш полк скрытно ночью был переброшен на участок прорыва. 20 августа в 6 часов утра тысячи артиллерийских орудий, катюш и минометов одновременно открыли огонь по врагу. Установился сплошной гул от разрывов, выстрелов и шума моторов. Трудно было слышать голос человека на расстоянии нескольких шагов. Порой казалось, что качается земля. После завершения мощной артподготовки полки пошли вперед, не встречая сопротивления. Но через некоторое время немцы и румыны стали приходить в себя и предприняли отчаянные попытки остановить вал наступающих. Я и комсорг лейтенант Карлюка находились в это время в стрелковых ротах вместе с бойцами. Неожиданно на острие атаки возникла неразбериха, грозящая перерасти в незапланированное отступление назад. Враг открыл сильный заградительный огонь. От разрывов снарядов и мин поднялось вверх облако пыли, земли и порохового дыма. Видимость стала почти нулевой. Это давало нам возможность преодолеть опасный участок малозамеченными. Медлить было нельзя. Я бросился вперед и увлек бойцов за собой. Комсорг Семен Карлюка мне хорошо помогал. Батальон продолжил наступление с малыми потерями. Вскоре из траншей появились первые группы румын с поднятыми руками. Наступление нашего полка на запад стремительно набирало темпы».

«А в нашей первой минометной роте в то время комсоргом был Леня Олейник,- поделился своими воспоминаниями бывший старшина роты 1239-го полка Н.Г. Харченко,- все его уважали и ценили в полку за умение общаться с людьми, за его открытость, верность воинскому долгу и за готовность в любое время помочь товарищу и словом, и делом. Нас, своих комсомольцев, он призывал прежде думать о родине, а потом о себе. В выражениях Леня, хотя ему было всего 19 лет, был строг и выдержан, казалось, что ему была чуждой любая сентиментальность. Но однажды перед боем в разговоре со мной он, обняв ствол миномета, размечтался, рассказывая: «Эх, пройти бы сейчас по родной улице, посидеть на лавочке у дома с резными ставнями под сенью разросшихся кустов сирени», где жила его девушка, от которой он долго не мог дожидаться письма. Раньше таким Леню я никогда не видел. Вероятно, перед боем тогда появились у него недобрые предчувствия. А бой оказался жестоким. Стремясь скинуть нас с горы в реку, враг бросил в атаку штрафные роты. С подвернутыми за пояс полами шинелей, с диким криком немцы и румыны шесть раз бросались на штурм. Но помощь нам подошла вовремя и враг, устилая поле боя трупами, бежал. Когда стихли последние выстрелы, я увидел Леню лежащего у миномета. Глаза у него были открыты, в них отражалась застывшая голубизна безоблачного неба. Пуля фашиста сразила его наповал. После боя мы похоронили его с нехитрыми воинскими почестями, соорудили на могиле скромный памятник и прикрепили к нему звездочку, вырезанную из консервной банки.

На другой день, уходя дальше на запад, я оглянулся, увидел одинокую звездочку на Лениной могиле, и мне показалось, что я оставляю здесь свою душу».

Бывший старшина минометной батареи 1237-го полка А.В. Шкреттиенко рассказал о необычном случае из своей фронтовой биографии:

«Мы продвигались с боями вглубь Румынии. Однажды командир батареи дал мне задание разведать обстановку в деревне, где предполагались отдых и завтрак. В деревню можно было идти или обходной дорогой в три километра, или по тропинке напрямую через гору, сократив расстояние втрое. Я выбрал короткий путь. При мне всегда были пистолет и финка, на всякий случай я взял еще и автомат. Пройдя метров четыреста, любясь полевыми

цветами и слушая, как стрекочут в траве кузнечики, я увидел вдруг торчащие из кукурузы чьи-то ноги в хромовых сапогах. Я снял автомат с плеча, поставил его на боевой взвод, потихоньку подошел ближе и увидел лежащих пятерых фашистов. Они все спали. На брюках одного из них я увидел генеральские лампасы. Возле радики сидел радист. По-видимому, ему дали задание дежурить, а он, сидя, уснул. Сомнений не оставалось, что эта группа фашистов, попав в окружение, долго бродила в поиске своих, а утром по росе, когда взошло солнце, прилегли отдохнуть и крепко уснули. Было конечно опасно и рискованно мне одному их брать в плен, но я поборов страх, решил рискнуть. Тихонько подполз к радисту, обрезал ремень его автомата. Смотрю на врагов в упор и думаю: если кто-то из них проснется и откроет глаза, всех расстреляю. Осторожно забрал автоматы у спящих солдат, отполз в сторону, спрятал в траве их оружие, один автомат взял себе. Теперь оставалось обезоружить генерала, его парабеллум находился у него под головой. Захожу с другой стороны. Солдаты, продолжавшие спать, были мне уже не страшны. Начал потихоньку вытаскивать из-под головы генерала парабеллум. Генерал чуть вздрогнул. Я навел на него автомат, но он продолжал спать. Наконец парабеллум у меня в руках. Отойдя на пять-шесть метров, я закричал: «Хэндэ хох! (Руки вверх!)».

Все пятеро вскочили, кинулись к оружию, а его нет. Генерал что-то закричал. Я дал очередь из автомата выше голов. Генерал поднял руки. Остальные сделали то же самое.

Полагая, что генерал должен понимать по-русски, я громко и четко сказал: «Вы окружены, не вздумайте бежать или нападать, иначе будете все расстреляны. Хотите жить – идите вперед». Генерал первым пошел по тропинке в гору, за ним – все остальные. Пока я возился с немцами, наша батарея перебазировалась в деревню. И меня уже начали разыскивать. И вот я являюсь на батарею с пятью пленными. За пленение генерала меня наградили орденом Славы третьей степени».

После ликвидации окруженной группировки врага и краткого отдыха 373-я дивизия была переброшена по железной дороге в район города Владимир-Волынский, где вместе с 52-й армией 78-го стрелкового корпуса вошла в состав 1-го Украинского фронта. С 6-го по 21-е октября дивизия пополнялась личным составом, в основном юношами 1926 года рождения, прибывающими из раз-

личных городов и сел Урала. В период с 21 по 28 октября полки дивизии совершили 220-километровый марш по территории Польши, в ночь на 23 декабря 1944 года преодолели реку Висла и вступили на Сандомирский плацдарм, здесь в походных условиях встретили новый 1945-й год.

ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Наступательная операция по освобождению польских земель к западу от Вислы вошла в историю Великой Отечественной войны под названием Висло-Одерской. Красная Армия, освобождая Польшу, продвигалась с боями к границе Германии мощной, хорошо вооруженной, по всем показателям превосходившей армию агрессора. «В этом еще раз сказались великие преимущества социалистического строя, его огромные возможности...».

«К тому времени,- рассказывал бывший парторг второго батальона 1237-го стрелкового полка А.К. Огороков, - все подразделения дивизии были оснащены самым современным по тому времени оружием. 243-й артдивизион, в котором я начинал войну, стал самоходным. На его вооружение поступили самоходные орудия СУ-76, а в пехотные подразделения – большое количество автоматического оружия. Тыл делал все, чтобы обеспечить армию всем необходимым».

Начало операции было ускорено просьбой союзников, войска которых оказались в тяжелом положении в результате германского наступления в Арденнах и Вогезах. Советское командование откликнулось на их просьбу и 12 января 1945 года ударная группировка 1-го Украинского фронта, в которую входила 373-я дивизия, действовавшая в составе 52-й армии генерала К.А. Коротева, прорвала оборону немцев на Сандомирском плацдарме.

«В 5 часов утра,- продолжал рассказ участник этого прорыва А.К. Огороков,- задрожала земля от залпов тысяч орудий. Позиции противника покрылись сплошным багровым заревом. Но это была лишь разведка боем и преддверием к общему наступлению. С рассветом густой туман покрыл землю. Серые, хмурые тучи проплывали над нашими и немецкими позициями. Установилась мертвая тишина. А в 10 часов вновь содрогнулась земля от мощных раскатов артиллерийской канонады и рева катюш, которая

длилась более полутора часов. Низко, почти на бреющем полете, одна за другой пролетели эскадрильи наших штурмовиков и сбросили смертоносный груз на головы фашистов. Вперед несколькими колоннами рванулись краснозвездные танки. Впереди каждой колонны двигались танки-тральщики. Они толкали перед собой массивные стальные катки с закрепленными на них тяжелыми цепями. Цепи, ударяя по земле, подрывали мины. Вслед за танками двинулись мы-пехота. Противник не оказывал нам почти никакого сопротивления, он был или уничтожен артиллерийским налетом или бежал с позиций. За первый день наступления потери нашего батальона ограничились одним раненым. Но на второй линии обороны враг встретил нас организованным огнем. Мы же при поддержке танков прорвали и 2-ю линию обороны. И к вечеру второго дня наступления прошли через польский город Енджеюв, многие здания в нем, особенно мельничный комбинат, еще дымились, повсюду были видны разрушения и следы пожаров.

17 января дивизия преодолела вражескую оборону на реке Варта, вместе с другими соединениями освободила военно-промышленный район Польши севернее города Ченстохов, а действовавшие в полосе наступления 52-й армии танкисты и автоматчики под командованием Героя Советского Союза майора С.В. Хохрякова первыми ворвались в город Ченстохов. За умелые действия и личную храбрость, проявленную в этих боях, уроженец села Коелга Еткульского района Челябинской области С.В. Хохряков был удостоен второй Золотой Звезды Героя. 19 января в 19 часов 19 минут московского времени наш батальон пересек польско-германскую границу. Первые населенные пункты в Германии мы занимали без боя. Немецкое гражданское население, одурманенное гебельсовской пропагандой, покидало свои жилища и бежало на запад. О паническом их бегстве свидетельствовали и горящий в домах свет, и брошенный горячий ужин на столах.

Польское население, хотя и не покидало своих жилищ, но встречало нас настороженно. По мере продвижения вглубь Германии сопротивление врага возрастало, активизировала свои действия его авиация. Однажды, когда наш полк двигался походной колонной, неожиданно из-за леса вылетела группа немецких самолетов. Все произошло так стремительно, что мы не успели рассредоточиться, средств для ведения огня по самолетам у нас не было. Бомбы, сброшенные с самолетов, попали в середину и в хвост ко-

лонны. Самолеты, сделав свое дело, безнаказанно улетели. А мы понесли ощутимые потери. Только наш батальон не досчитался ста человек убитыми и ранеными. После этого случая наше продвижение осуществлялось преимущественно в темное время суток. Мы преодолевали заранее подготовленные к обороне рубежи с глубокими противотанковыми рвами и проволочными заграждениями. Наше наступление было настолько стремительным, что враг не успевал закрепиться на подготовленных к бою новых рубежах.

22 января ночью мы заняли город Намслау, в городе работали электростанция, телефон, но гражданское население отсутствовало. Все мы были до предела утомлены, засыпали на ходу. И наше командование решило дать небольшой отдых и себе и бойцам. Но посреди ночи город обстреляли немецкие самоходные пушки. Выдвинутые им навстречу самоходные орудия 243-го артдивизиона отогнали их. Обстрел нам никакого вреда не причинил, кроме того, что нарушен был отдых».

23 января 373-я дивизия, продвигаясь вперед, вышла к Одеру. Несмотря на яростное сопротивление противника 24-25 января форсировала Одер, захватила плацдарм на западном берегу, сомкнув кольцо окружения вокруг Бреславля. Тысячи воинов, проявивших в этой операции чудеса доблести и геройства, были удостоены высоких правительственных наград. Семь бойцов и командиров 373-й дивизии за форсирование Одера стали Героями Советского союза. В документах, представленных к их награждению, говорилось:

«Девятнадцатилетний комсомолец сержант 1235-го полка И.Я. Александренко первым достиг противоположного берега. С развернутым красным знаменем в руках поднялся в атаку и увлек за собой товарищей. Захватив плацдарм и закрепившись на нем, он обеспечил переправу через Одер других подразделений». И.Я. Александренко погиб в этом бою звание Героя Советского Союза ему присвоено посмертно.

Саинструктор 1235-го полка сержант М.Д. Мамедов форсировал Одер в районе Ратвица. Вынес с поля боя 16 раненых красноармейцев и командиров и разместил их в каменном доме. Немцам удалось прорваться к этому дому и окружить его. Защищая раненых, М.Д. Мамедов открыл огонь из трех карабинов по очереди, которые заряжали и передавали ему раненые». М.Д. Мамедов за-

щищал раненых до тех пор, пока вражеская пуля не сразила его. Отважный санинструктор погиб. Звание Героя Советского Союза ему тоже присвоено посмертно.

«Командир роты 1237-го полка Г.М. Гончарь форсировал Одер в районе Ратвица и, ворвавшись в траншею противника, вступил в рукопашную схватку. Своими смелыми и решительными действиями обратил врага в бегство, захватил плацдарм и, будучи раненым, руководил боем до подхода подкрепления». Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 апреля 1945 года ему присвоено звание Героя Советского Союза. В этом бою отличились и получили тяжелое ранение семнадцатилетний М.А. Мурдасов, призванный на фронт из поселка Тургояк и троичанин Н.Г. Махмутов.

В ночь с 24 на 25 января бойцы 1239-го полка форсировали Одер в районе Ланге, захватили плацдарм, защищая его, уничтожили несколько танков и до роты пехоты противника. За что Президиум Верховного Совета СССР удостоил звания Героя Советского Союза старших лейтенантов В.В. Никишова, М.Ф. Петина, лейтенанта И.С. Дятлова и рядового С.Д. Леоницкого.

Для парторга второго батальона 1237-го полка А.К. Окорокова бой на Одере оказался последним. Вспоминая о нем, он рассказывал: «23 января 1945 года под вечер в районе небольшого селения Ратвиц подошли мы к Одеру. С ходу, а там, где льда не было, по набрасываемым доскам, форсировали его и заняли узкую полоску земли вдоль берега. Ночью немец не сумел нас сбросить обратно за реку. А утром выяснилось, что фашисты закрепились на дамбе канала, расположенного метрах в ста от реки. В 11 часов комбат вызвал к себе командный состав на короткое совещание, где было решено, что во время артподготовки командиры рот со своими КП переправятся на плацдарм и в 15-00 поднимут батальон в атаку. Мне и заместителю по строевой В.Ф. Сидорову он приказал проконтролировать своевременность проведения атаки.

В указанное время скрытно по оврагу мы пробрались к реке и увидели на противоположном берегу своих солдат, они явно проявляли какое-то беспокойство. По льду перебежали к ним и обнаружили, что ни одного командира роты на плацдарме нет. Посоветовавшись с Ф.В. Сидоровым, решили поднимать батальон без них. Передали команду: «Приготовиться к атаке». Я выскочил на бровку, поднял руку с автоматом над головой. Призвал: «Ба-

тальон, вперед за мной!». И ринулся по покрытой снегом поляне навстречу свистящим пулям.

Вы спрашиваете, думал ли я в тот момент о смерти. Я тогда думал лишь о том, как бойцов поднять в атаку. А если бы думал о чем-нибудь другом, то так и сидел бы с ними под берегом.

Мы бежали, стреляя на ходу. И уже видели, как немцы бросают свои позиции и уходят прочь от канала. Но огонь их не ослабевал. У канала мы укрылись за бетонной тумбой и увидели впереди на открытой площадке пятерых немцев. А у меня, как назло, патроны кончились. Сержант же, не помню его фамилию, стреляет, а попасть не может. Пришлось взять у него автомат и выпустить из него очередь возмездия.

Продолжая движение вперед, я чувствовал, как мой капюшон и маскхалат дважды задевали пули. За каналом начинался лесок, и было видно, как немцы цепочкой друг за другом уходят в его сторону. Я решил с солдатами перебраться на противоположный берег канала. Но, спускаясь на лед, немного не рассчитал, нужно было бы этот участок преодолеть быстрее, а я промедлил и получил пулю в живот. Оказалось, что немцы находились еще и на вмерзших в лед баржах. Подошедшие вслед за нами минометчики сожгли их вместе с баржами дотла. Солдаты помогли мне выбраться на берег. Я, зажав рану рукой, выходил из боя. На пути встретил Сидорова, он сделал мне перевязку и выделил двух солдат для сопровождения в санчасть.

Ну, а потом пять раз меня перебрасывали из одного госпиталя в другой. Врачи удивлялись: «Как это тебе удалось выжить?» Ведь ранение-то оказалось аналогичное тому, что получил в свое время на дуэли А.С. Пушкин, с повреждением кишечника. Конечно, во время лечения были проблемы с приемом пищи, поэтому в госпиталях я потерял много веса. В апреле 1945 года меня комиссовали. Я вернулся домой, в Челябинск. Жили мы тогда в районе Порт-Артура, недалеко от вокзала. Подошел к крыльцу своего дома. Постучал. Дверь открыла мать и не узнала родного сына, повернулась кругом и пошла по своим делам на кухню. Она думал, что это кто-то к моему брату пришел. И только когда брат от удивления вскрикнул: «Только, это ты?..» все встало на свои места.

Здесь, дома, я узнал, что за последний бой наградили меня орденом Красного Знамени, а наша 373-я дивизия удостоена ордена Кутузова 2-й степени».

ПОСЛЕДНИЕ ЗАЛПЫ

В результате Висло-Одерской операции советские войска прорвали оборону немецко-фашистских войск группы армии «А», освободили западную часть Польши, форсировали Одер и вышли на территорию Германии, заняв выгодное положение для наступления на Берлин. Начался заключительный этап Великой Отечественной войны.

Продолжая наступление, 373-я дивизия участвовала в Нижне-Силезкой операции. 11 февраля 1945 года ею был взят город Гейнау, а 15 февраля город Бунилау. В ночь на 24 февраля 1239-й полк захватил крупную железнодорожную станцию Кольфурт, увеличив счет своих трофеев на 11 паровозов и более 320 вагонов с различными грузами. Затем дивизия совершила прорыв к восточному берегу реки Нейсе и вышла на подступы к городу Пенцих. Попытка с ходу овладеть этим городом не удалась. К тому времени дивизия понесла большие потери. Многие стрелковые роты насчитывали до 20 бойцов вместо 144-х по штату. С 16 апреля, после пополнения, дивизия участвовала в Берлинской операции. Наступая на город Герлиц, она отбивала многочисленные контратаки противника, а 8 мая вошла в этот город. Обилие белых флагов, вывешенных из окон домов, извещали, что фашистская Германия пала. Поздно вечером в дивизию пришла весть о подписании в Берлине акта о безоговорочной капитуляции Германии. Но на другой день стало известно, что немецкие войска, включая власовские части, не сложившие оружие, спешно отступают через Судетские горы в Чехословакию. 373-я дивизия получила приказ преследовать противника и разгромить его. Дивизия двигалась по маршруту: «Шейба. Вайгердорф, Либерец, Минхово, Тренгин. Только 13 мая закончились для уральцев боевые действия. Дивизия возвратилась в город Герлиц, откуда в июне 1945 года она двинулась на родину в Советский Союз и была расквартирована в городе Славута Хмельницкой области.

В августе 1946 года 373-я Миргородская Краснознаменная орденов Суворова и Кутузова стрелковая дивизия, с честью выполнившая наказ Родины по ее защите и разгрому фашизма в годы Великой отечественной войны, подлежала расформированию. А ее боевое Красное Знамя было передано на хранение в Центральный музей Вооруженных Сил СССР.

Бойцы, командиры и политработники 373-й Миргородской Краснознаменной, орденов Суворова и Кутузова стрелковой дивизии, прошедшие через горнило войны и оставшиеся в живых, вернулись на родину победителями и в последующие годы совершили еще один подвиг, не менее значимый, чем победа на фронте, подвиг созидания. Занявшись мирным трудом, вместе со своим народом, они участвовали в восстановлении разрушенного войной народного хозяйства. В то время бывших солдат и командиров 373-й можно было встретить на многих великих стройках коммунизма. В 1949 году на строительстве Волго-Донского судоходного канала, в начале 1950-х годов - на строительстве крупнейших в мире Цимлянской, Куйбышевской и Сталинградской гидроэлектростанций на Волге, Каховской ГЭС на Днепре, на строительстве Южноукраинского и Северокрымского оросительных каналов и главного Туркменского канала, пролежавшего через сухие пески пустыни Кара-Кума. В середине 50-х годов они покоряли целину, перекрывали сибирские реки, строили Ангарскую и Иркутскую гидроэлектростанции на Ангаре, Красноярскую гидроэлектростанцию и, позднее, Саяношуйскую - на Енисее, Новосибирскую - на Оби. Работали на Всесоюзных ударных комсомольских стройках Челябинского, Магнитогорского, Западносибирского, Череповецкого и других крупнейших металлургических комбинатов. На многие месяцы уходили в тайгу, чтобы выполнить наказ Советского Правительства: «На каждую предполагаемую для продажи за рубеж тонну нефти, следует разведать и найти в недрах России не менее двух тонн черного золота».

Всего за 10 лет после войны в СССР появились 1032 новых городов и городских поселков. Жилищный фонд в городах и городских поселках с 421 млн. кв. м. в довоенном 1940 году возрос до 958 млн. кв.м. к 1960 году. Производство электроэнергии увеличилось с 48,3 млн. кВт-часов в 1940 году до 170,3 кВт- часов в 1955 году, а еще через 10 лет, в 1965 году, - до 506,8 млн. кВт-часов. Выплавка стали с 18,3 млн. тонн в 1940 году и 12,3 млн. тонн в 1945 году увеличилась до 45,3 млн. тонн в 1955 году, а еще через 10 лет, в 1965 году, она достигла 91,0 млн. тонн. Производство тракторов увеличилось с 31,6 тыс. шт. в 1940 году до 163,4 тыс. шт. в 1955 году. С трудом, но залечила страна и демографические раны, нанесенные войной. Если в 1940 году население СССР составляло 194,1 миллионов человек, то в 1950 году еще чувствовала-

лись потери периода войны, численность население достигало тогда лишь 178,5 миллионов человек. Но через 10 лет после войны, в 1955 году, численность населения достигла до военного уровня – 194,4 миллионов человек, а еще через 10 лет, в 1965 году, возросла до 229,2 миллионов человек.

Таково было поколение победителей, представители которого солдаты и командиры 373-й дивизии, защитили свою Родину, а затем создали великую державу, имя которой СССР. Главным устремлением их было построение материально-технической базы Коммунизма, то есть базы будущего. Они работали, творили и жили ради укрепления могущества своей державы, ради благополучия следующих за ними поколений советских людей. В канун 65-летия Победы бывших фронтовиков и тружеников тыла осталось совсем немного. Поэтому выглядит очень и очень странным, когда нет, нет, да появляются в СМИ, по радио или на экранах телевидения материалы, авторы которых пытаются исказить и очернить период советской истории, разгероизировать подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны, упрекнуть в чем-либо ветеранов и бросить тень на героев войны и тыла. Пусть подобные деяния обиженных судьбой злопыхателей останутся на их совести. История все расставит по своим местам. А со страниц этого очерка в назидание им прозвучат крылатые слова поэта: **«Шапки долой перед Героями, оставшимися в живых! И вечная память погибшим».**

Содержание

Предисловие	5
Тайна озера Рытого	7
Рождение дивизии	10
Боевое крещение	13
Ржевско-Вяземская операция	14
В окружении	22
Заградотряд	31
Урдомская операция	33
Освобождение Миргорода	37
Зверство оккупантов	40
Вперед на запад	43
Корсунь-Шевченковская операция	47
Яско-Кишиневская операция	51
Висло-Одерская операция	56
Последние залпы	61
Содержание	64

Л.А. Попов

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

(Вспоминают ветераны г. Челябинска)

Серия 17. Рожденная на Урале.